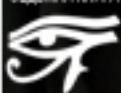

Джейн Остин

СЭНДИТОН

СЕДЬМАЯ КНИГА

Джейн Остин

Сэндитон

«Седьмая книга»

1818

Остин Д.

Сэндитон / Д. Остин — «Седьмая книга», 1818

«Сэндитон» – последний, написанный за несколько месяцев до смерти, роман Джейн Остин. Яркая ирония на атмосферу модных приморских курортов аристократической Англии. Страсти кипят и бушуют, грозя захлестнуть чувствами все побережье!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	31
Глава 9	35
Глава 10	40
Глава 11	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Джейн Остин

Сэндитон

Глава 1

Молодой человек и его спутница из промозглой столицы направлялись к морю. Их экипаж не спеша катился на юго-восток по накатанной дороге от Танбриджа к побережью Сассекса. Они направлялись в живописное поместье, расположенное где-то между Гастингсом и Истборном, но по пути на курорт решили заехать еще по одному адресу. Кони нехотя свернули на узенькую, ухабистую дорогу, и на первом же крутом, полупесчаном, полукаменистом подъеме карета опрокинулась.

Вокруг не было ни души, а единственный господский дом близ проселочной дороги остался далеко позади. Ворчливый возница был уверен, что этот особняк сегодня станет конечным пунктом их утомительного путешествия, где все смогут немного отдохнуть, а завтра продолжить путь. Но ошибся. Теперь всем своим видом он давал понять, что дальше эту дорогу может осилить не этот арендованный в столице элегантный экипаж, а в лучшем случае, неприхотливая деревенская телега. Рассерженный и усталый он мог выместить досаду только на безропотных лошадях, и хлестал их с такой жестокостью, что было бы удивительно, если бы карета устояла на подъеме.

Молодой человек первым выбрался из перевернувшейся кареты и учтиво помог подняться своей даме. Оба пребывали в шоке, почти не чувствовали боли и благодарили небеса за счастливое спасение. Испуганный кучер тоже вздохнул с облегчением. Экипаж ехал медленно, и это спасло всем жизнь. Но довольная улыбка сразу сошла с лица возницы, когда он посмотрел на своего пассажира. Молодой джентльмен внезапно почувствовал резкую боль в ступне, и настолько сильную, что он не смог устоять на ногах и присел на скамейку.

– По-моему, что-то со связками, – сказал он, положив руку на ушибленную ногу. – Но не беспокойся, моя дорогая, – промолвил он, глядя с улыбкой на свою растерянную спутницу, – всё, что ни делается – делается к лучшему. Эта неприятность нам только на пользу. Взгляни, вон на тот уютный коттедж, романтично расположенный неподалеку на высоком холме, среди деревьев. Кажется, это как раз то, что нам было нужно, не так ли?

Его супруга молча кивала и то и дело растеряно перебирала бахрому на своем дорожном платье. Дама была настолько потрясена случившимся, что, казалось, и не слышала, о чем говорит муж. Вдруг молодая женщина инстинктивно обернулась назад, и в ее глазах появилась надежда. Помощь пришла, откуда не ждали. Со стороны единственного в округе имения, которое путешественники миновали как раз перед роковым подъемом, к ним спешили несколько крепких мужчин. Это были косари. Вместе с семьями, женами и детьми, они работали на сенокосе и с высокого холма наблюдали, как нездешняя карета неуклюже гарцевала на скользких камнях, а когда она всё-таки перевернулась, оставив все дела, немедленно поспешили вниз. Среди нескольких крепко сбитых деревенских парней выделялся человек средних лет, благородного вида. Владелец имения по счастливой случайности в этот роковой момент также был на лугу вместе со своими наемными работниками.

Мистер Хейвуд, так звали этого джентльмена, деловито подошел к растерянным путешественникам, учтиво поздоровался и с искренней озабоченностью поинтересовался, чем может помочь. В этот момент двое из его работников уже приподнимали перевернувшуюся карету и со скрипом ставили ее на колеса. Проезжий джентльмен попытался было встать, но резкая боль снова напомнила о себе, и он отвечал хозяину имения, сидя, не вставая со скамьи:

– Вы очень любезны, сэр, и я ловлю вас на слове. Без вашей помощи нам никак не обойтись. Но, пожалуй, лучшее, что вы можете сейчас сделать для нас с супругой, это послать за хирургом. Травма у меня, в общем-то, пустяковая, но в таких случаях, Вы сами знаете, всё же стоит сразу показаться врачу. По такой дороге до врача я сейчас, увы, не доберусь, а вот если бы хирург сам подъехал и осмотрел меня, я был бы Вам благодарен.

– Найти хирурга здесь?! – удивился мистер Хейвуд. – Смеею вас заверить, в нашей округе нет ни одного доктора, впрочем, мы прекрасно обойдемся и без него.

– Нет-нет, сэр, Вы меня не так поняли, если хирурга на месте нет, то вполне сгодится и сельский фельдшер. Может быть, фельдшер с его практическим опытом справиться даже лучше, – возразил собеседник. Пошлите, пожалуйста, за ним кого-нибудь из этих добрых парней, не сомневаюсь, они отыщут его за пару минут. Да и где тут собственно искать? Вон тот коттедж на холме, пожалуй, единственное достойное джентльмена пристанище в этих краях.

Мистер Хейвуд выглядел весьма озадаченным и едва сдерживал улыбку.

– Неужели, сэр, вы рассчитываете найти хирурга в том коттедже? Уверяю вас, что в нашем приходе нет ни хирурга, ни фельдшера.

– Простите великодушно, сэр, я не хочу с Вами спорить, но, может быть, Вы просто не знаете, что в Вашем приходе есть хирург, в жизни, понимаете ли, всякое бывает... Хотя, возможно, я ошибся адресатом? Пойдите, это разве не в Виллингден?

– Вы не ошиблись, сэр, это без сомнения Виллингден.

– В таком случае, сэр, я могу доказать, что в вашем приходе есть хирург, независимо от того, знаете Вы о его существовании или нет, – уверенно заявил молодой джентльмен и чинно достал свою записную книжку. – Вот, сэр, – обратился он к владельцу имения, – если вы будете так любезны и посмотрите на эти объявления, Вы сразу поймете, что я прав. Я лично вырезал их накануне утром из «Морнинг Пост» и «Кентиш Газетте». Мы с женой как раз готовились к отъезду из Лондона на побережье и по дороге хотели навестить врача. Вот как отзываются о Вашем специалисте и его медицинском кабинете в ведущих британских изданиях: «Перспективное дело...», «превосходная репутация, заслуживающие уважения рекомендации...», «намерены основать собственное дело...», – в подтверждение своих слов он гордо продемонстрировал газетные объявления.

– Любезный, даже если бы сейчас Вы мне показали все газеты, которые издаются за неделю в Британии, Вы все равно не убедили бы меня в существовании хирурга в Виллингдене, – сказал мистер Хейвуд с добродушной улыбкой. – Я здесь родился и прожил пятьдесят семь лет, поэтому, думаю, наверняка знал бы этого человека. По крайней мере, я осмелюсь сказать, что если этот хирург вообще существует, то дело его, вряд ли, процветает. Несомненно, если бы по этой заброшенной дороге время от времени в сторону коттеджа проезжал бы джентльмен, то можно было бы предположить, что он живет в этом доме на холме. Но чего нет – того нет. А этот щеголеватый с виду особнячок, всего лишь простенький домик на несколько семей. Его уже не первый год сдают в аренду, и сейчас в нем проживают мой верный пастух и три пожилые дамы.

С этими словами Мистер Хейвуд взял из рук гостя газетные вырезки, посмотрел их и добавил:

– Ах, вот оно что. Ну, теперь мне всё стало ясно. Сэр, Вы, действительно, ошиблись адресом. В этой стране есть два Виллингдена. Вот эти объявления, по всей видимости, относятся к Большому Виллингдену, или к Виллингденскому Аббатству, как его еще называют. Оно в семи милях отсюда, на другой стороне Бэттла, в районе Уилда. А мы, сэр, – добавил он с гордостью, – находимся не в Уилде.

– Конечно, не в Уилде! Он же расположен вниз по склону – рассмеялся молодой путешественник. – А мы-то хороши, потратили целых полчаса, чтобы взобраться на ваш холм. Что ж, полагаю, Вы правы, я допустил исключительно глупую ошибку. Дело в том, что мы соби-

рались в дорогу в спешке, и я на бегу поинтересовался, будем ли мы проезжать Виллингден. Убедившись, что мы, действительно, будем проезжать в одной или двух милях от Виллингдена, я успокоился и не стал наводить дополнительные справки...

– Дорогая, – сказал он, обращаясь к жене, – прости, что я доставил тебе сегодня столько хлопот. Главное, не беспокойся по поводу моей ноги. Как только наши добродетели приведут в порядок экипаж и перезапрягут лошадей, мы немедленно вернемся на главную дорогу, а там рукой подать до Хайльшема. И еще через пару часов мы уже будем дома, в нашем уютном гнездышке.

А дома, как говорится, и стены лечат. Целебный морской бриз мигом поднимет меня на ноги, ты сама знаешь, это наше лучшее лекарство. Бодрящая соленая волна и свежий воздух моря, как я соскучился за вами...

Мистер Хейвуд, некоторое время терпеливо слушавший эту эмоциональную тираду, дружелюбным жестом остановил молодого джентльмена и настойчиво попросил семейную пару не торопиться в обратный путь, а зайти к нему в гости.

– У нас мы спокойно осмотрим Вашу травмированную ногу, все необходимые лекарства в доме под рукой. Кроме того, Вы доставите безмерное удовольствие моей жене и дочерям, они будут рады вам помочь.

Молодой человек еще раз попытался приподняться, но даже попытка пошевелить ногой теперь вызывала новые приступы боли.

– Ну что же, моя дорогая, – я думаю, нам стоит принять это искреннее предложение, – сказал жене джентльмен и вновь обратился к мистеру Хейвуду:

– Но прежде чем мы воспользуемся Вашим гостеприимством, сэр, давайте же, наконец, познакомимся. По-моему, Вы считаете, что перед Вами ярый сторонник сумасбродных идей. Это не совсем так. Я – Паркер, мистер Паркер из Сэндитона; эта леди, моя жена, миссис Паркер. Мы возвращаемся из Лондона домой на побережье. Впрочем, моё имя Вам, возможно, ни о чем не говорит, но на юго-востоке Паркер – довольно известная фамилия. Я, кстати, потомственный землевладелец, у меня солидный участок в приходе Сэндитона. Пусть Вы ничего не слышали о Паркерах, но уж о Сэндитоне знаете, наверняка. Кто не знает, этот великолепный пляж, пожалуй, самый лучший, вдоль побережья Сассекса; идеальные условия, созданные самой природой, а какие перспективы!

– Да, я как-то слышал о Сэндитоне, – ответил мистер Хейвуд. – Сейчас на побережье открывают столько мест для купания, раз в пять лет обязательно появляется новый курорт, просто диву даешься, как удается заполнить желающими хотя бы половину из них и где люди находят деньги и время для их посещения! Сейчас такие трудные времена в стране, цены на жилье растут, бедняки становятся еще беднее. Какой уж тут отдых. Вы согласны со мной, сэр Паркер?

– Вовсе нет, сэр, вовсе нет, – взволнованно ответил Паркер. – Уверю вас – всё как раз наоборот. Сэндитон – райский уголок, лишенный пороков цивилизации. В больших, переполненных поселениях таких, как Брайтон, Уортинг или Истборн, совершенно другой уклад жизни и другие ценности. Но нашему Сэндитону всё предстоит начать с чистого листа, у нас будут построены современные здания, прекрасные детские площадки и на этот курорт устремятся степенные и солидные семейства, с отличной репутацией. Он станет исключительным местом для отдыха.

– Возможно, ваш Сэндитон – исключение из правил, – ответил мистер Хейвуд. – Я только считаю, что таких мест на нашем побережье стало слишком много. Впрочем, сейчас нам надо осмотреть Вашу травму и попытаться помочь Вам.

– Пляжей на нашем побережье, действительно, много, в этом я с Вами соглашусь, – не унимался мистер Паркер. – Точнее я бы сказал, не много, а достаточно, в самый раз, и больше пляжей ни Вам, ни, тем более, нам не надо. Любой желающий может сегодня выбрать себе

место для отдыха по душе из того, что уже есть. Вкладывать средства и силы в создание новых курортных зон, на мой взгляд, бесперспективно. Сэндитон, например, создала сама природа. Судите сами: освежающий чистейший морской бриз, исключительный пляж – мелкий, приятный песок, никаких валунов, скользких скал, водорослей и, тем более, грязи. В нескольких метрах от берега хорошая глубина. Поверьте, никогда не было в Британии такого места для восстановления здоровья. И всё это великолепие совсем недалеко от Лондона – на целых полтора километра ближе, чем Истборн. Только представьте себе, сэр, сократить утомительную дорогу на курорт почти на полтора километра! – Хотя, постойте, я угадаю, Вы, сэр, очевидно, тайный поклонник местечка Бриншор, которое у Вас тут под боком? Между прочим, зря. В прошлом году несколько биржевиков пытались там построить какой-то поселок. Но кто поедет на курорт, расположенный между стоячим болотом и унылым торфяником? Если подходить с позиции здравого смысла, то, как можно предпочитать Бриншор? Самый вредный для здоровья воздух с душком гниющих водорослей, отвратительные дороги, отсутствие пресной воды на расстоянии пяти километров от пляжа, даже не выпить чашку чая! А почвы там такие скудные, что едва вырастишь кочан капусты. Поверьте, сэр, уж я знаю толк в курортах и рассказываю Вам о Бриншоре, без прикрас, хотя, возможно, Вам довелось слышать другую характеристику...

– Любезный, мне никогда в жизни не приходилось что-либо слышать о Бриншоре, – утомленно сказал мистер Хейвуд. – Я даже не подозревал, что на земле вообще существует такое место.

– Как? Вы не подозревали! Вот, моя дорогая, – воскликнул Паркер, обращаясь с торжествующим видом к жене, – ты теперь видишь, как на самом деле знаменит этот хваленый Бриншор! Джентльмен даже не знал, что в мире существует такое место. И, действительно, сэр, на ум сразу приходят строки поэта Каупера, помните, он сказал о набожной крестьянке: «Ее вселенная кончалась за околицей»? Как он лихо парировал Вальтера? Не правда ли?

– Мистер Паркер, я Вам совершенно искренне сказал, что ничего не знаю о Бриншоре. По этому поводу Вам на ум могут приходиться какие угодно стихи, моя голова сейчас занята одним – как быстрее Вам помочь? По глазам Вашей разумной супруги я вижу, что она полностью согласна со мной и считает, что больше нам нельзя терять ни минуты. А вот, кстати, и мои девочки, вышли, чтобы по всем правилам пригласить вас к нам, как говорится, от своего имени и от имени матери.

Приятные молодые женщины в окружении служанок появились на пороге дома.

– Признаться, я даже удивлен их терпению. Царящая здесь суматоха не лишила их благоразумия. А теперь, сэр, давайте подумаем, как лучше доставить вас к дому.

Юные леди подошли к гостям и, также, как и их отец, непринужденно и искренне пригласили всех пройти в дом. На этот раз Паркером долго уговаривать не пришлось, они из вежливости попытались было отказаться, но тут же приняли приглашение. Тем более, когда выяснилось, что карета изрядно покорежена и нуждается в ремонте. В итоге мистера Паркера перенесли в дом, а его карету откатали в пустой амбар.

Глава 2

К каким последствиям может привести неловкий поворот колеса кареты на крутом подъеме и как причудливо может завертеться колесо Фортуны? Участники этой истории пока не подозревали обо всех последствиях их странного знакомства. Тем временем супруги Паркеры задержались в Виллингдене на две недели. Растяжение связки у мистера Паркера оказалось серьезным, ходить без поддержки и уже, тем более, отправляться в дальнюю дорогу, он не мог. Но ему всё-таки повезло, он попал в хорошие руки. Хейвуды были почтенным семейством и были рады услужить своим гостям, оказавшимся в непростой жизненной ситуации. За мистром Паркером ухаживали как за близким родственником, а миссис Паркер старались искренне поддержать и утешить. Гостеприимство и доброжелательность хозяев вызвали чувство благодарности у их гостей. В итоге за две недели оба семейства привязались друг к другу.

Мистер Паркер как человек словоохотливый и открытый, охотно рассказывал о себе и своем главном увлечении – создании курорта в его родном местечке Сэндитон. В этом деле он был энтузиастом, причем, энтузиастом законченным. Продвижение Сэндитона, как небольшого, модного курорта было его главной целью, ради которой он, казалось, жил.

Всего несколько лет назад это была тихая, неприметная деревенька на юго-восточном побережье, но случайное или неизбежное стечение обстоятельств привело на биржу двух местных землевладельцев, одним из которых и был тот самый мистер Паркер. Они с азартом включились в биржевую спекуляцию, занялись планированием и строительством, разрекламировали свое предприятие и даже обрели некоторую известность в определенных кругах. Теперь мистера Паркера, кроме Сэндитона, почти ничего не интересовало.

Впрочем, из разговоров с ним представителям многочисленного Хейвуд всё-таки удалось узнать кое-что, кроме неоспоримых достоинств курорта в Сэндитоне. Итак, они выяснили, что мистеру Паркеру было почти тридцать пять лет, семь лет тому назад он удачно женился и стал отцом четверых милых детей. Он был старшим сыном в уважаемой и достаточно обеспеченной семье, профессии не получил, но зато как первенец унаследовал всю недвижимость, которую собирали и накапливали два или три предшествующих поколения; у него также были два брата и две сестры – пока холостые и, что отраднее, материально независимые. Например, второй из сыновей получил небольшое наследство по другой родственной линии и живет очень даже прилично.

По словам мистера Паркера, в этих местах он оказался неслучайно и также неслучайно свернул с проезжей дороги на проселочную. Конечно же, он не собирался испытывать судьбу и уж тем более, специально травмировать ногу, он искал врача, чтобы пригласить его для работы в Сэндитон, так как собственный доктор должен быть на каждом приличном курорте. Мистер Паркер рассчитывал найти его в Виллингдене, доверившись газетному объявлению. Он был искренне убежден, что в прошлом сезоне у них не было отдыхающих именно из-за отсутствия врача, поскольку многие из них, люди со слабым здоровьем, побоялись надолго остаться без медицинской помощи. В общем, мистер Паркер оказался примерным семьянином, любящим жену, детей, братьев и сестер, человеком добросердечным и великодушным, правда, его богатое воображение нередко торжествовало над здравым смыслом. Его супруга – миссис Паркер без сомнения была для него идеальной женой, кроткой, милой и ласковой, и под стать своему супругу не отличалась житейской практичностью. Она полностью полагалась на мужа даже тогда, когда он ставил всё своё состояние на бирже или не мог пошевелиться, растянув сухожилие.

Сэндитон стал для мистера Паркера второй женой и второй семьей, близкой сердцу и постоянно занимавшей его ум. Говорить о нем Паркер мог постоянно. Ведь это было его поистине главное достояние – не только родина и отчий дом, но и собственность. Это был его при-

иск, его удача на бирже и любимая игрушка, почти как конь-качалка в далеком детстве; его работа и его надежда на будущее.

Ему очень хотелось, чтобы новые друзья прониклись его страстью и также горячо полюбили этот каменистый уголок на побережье. Он был готов разместить у себя в Сэндитоне хоть завтра всё семейство из Виллингдена, даже несмотря на то, что все они были здоровы и не нуждались в курортном лечении.

Паркер был твердо убежден, что никто не может быть полностью здоров и уж тем более оставаться здоровым, если не будет, по меньшей мере, шесть недель в году проводить на море. Морские купания и прогулки по берегу прекрасно помогают как при заболеваниях желудка, так и при болезнях легких и нарушении кровообращения. Соленая вода и океанический бриз, по его мнению, были панацеей при ревматизме и судорогах, исцеляли печень и поджелудочную железу и были прекрасными антисептиками. «У моря никто не схватит простуду, не пожалуется на аппетит и не впадет в депрессию, наоборот, каждый только укрепит здесь свои силы. Морской воздух лечит и расслабляет – поддерживает и укрепляет нервную систему, как это требуется в том или ином случае. Если не помогает морской бриз, то обязательно помогут морские ванны. Если противопоказано купание, то снова лечимся морским воздухом, который самой природой предназначен для исцеления», – неустанно твердил мистер Паркер.

Но его красноречие не возымело должного действия на рассудительную чету Хейвудов. Мистер и миссис Хейвуд так и не решились даже на время покинуть свой дом, откуда не уезжали никогда с момента их свадьбы. В брак они вступили рано и обзавелись многочисленными детьми, поэтому надолго не оставляли их без присмотра. Размеренный образ жизни давно вошел у них в привычку. Мистер Хейвуд выезжал из дома только дважды в год и только в Лондон, чтобы получить дивиденды, все остальные отлучки были не дальше, чем позволяли его ноги или старая испытанная лошадь. Что касается миссис Хейвуд, то ее путешествия ограничивались редкими визитами к соседям в старой карете, которая была новой, когда они поженились, и была заново обита десять лет тому назад, когда их старший сын достиг совершеннолетия.

Они обладали обширным поместьем и вполне могли позволить себе жить на широкую ногу, например, купить новый экипаж, отремонтировать дорогу или провести месяц в Танбридж Уэльсе, нажить симптом подагры и затем с комфортом перезимовать в Бате. Однако содержание и обучение четырнадцати детей заставило их постоянно проживать в Виллингдене и вести спокойную жизнь. То, что когда-то было предписано благоразумием, со временем стало доброй традицией, и супруги уже и не помышляли о дальних поездках и даже испытывали некоторое удовлетворение, говоря об этом.

Правда, своим детям они желали иной жизни и в глубине души мечтали, чтобы они получили возможность выйти в мир со всеми его светскими утехами и достойным их статуса комфортом. Они не покидали свой дом, чтобы их дети могли себе это позволить, и, делали все для того, чтобы их поместье было достаточно уютным и привлекательным. Хэйвуды приветствовали любые нововведения в своем именье, поддерживали отношения с нужными людьми и охотно заводили знакомства, которые могли быть полезными для их сыновей и дочерей.

Поэтому, когда мистер и миссис Паркер потеряли надежду увидеть у себя в гостях всё семейство, родители охотно отпустили с ними в Сэндитон одну из дочерей. Приглашение получила мисс Шарлотта Хейвуд, приятная юная леди двадцати двух лет от роду. Как самая старшая из дочерей, она часто помогала матери в домашних делах и поэтому особенно сблизилась с Паркерами.

Итак, Шарлотте было позволено поехать в гости и предстояло даже искупаться в море, чтобы окончательно улучшить своё и без того прекрасное здоровье. Скоро она сможет позволить себе маленькие курортные радости, которые щедро предлагает Сэндитон: купит новые

зонтики, перчатки и, конечно же, броши своим сестрам и себе, а еще с комфортом проведет несколько недель в доме Паркеров.

Со своей стороны ее отец – мистер Хейвуд, мог пообещать мистеру Паркеру только одно, что будет рекомендовать посетить Сэндитон каждому, кто обратится к нему за советом, и никогда не израсходует даже пяти шиллингов на курорте в Бриншоре, если вообще возможно отвечать за поступки в будущем.

Глава 3

Даже в самом последнем провинциальном городишке всегда есть своя первая леди. В Сэндитоне это была леди Денхэм. По пути на побережье мистер Паркер много рассказывал юной Шарлотте об этой знатной особе. Впрочем, о неоспоримых достоинствах леди Денхэм девушка была наслышана еще в родном Виллингдене, мистер Паркер нередко упоминал об этой состоятельной даме как о своей компаньонке в биржевых делах. Леди Денхэм – визитная карточка маленького Сэндитона, с его слов, была знаменита тем, что пережила двух мужей, скопила солидное состояние, пользовалась всеобщим уважением и на старости лет приютила у себя бедного родственника, кажется, кузена. Новые подробности о жизни и характере уважаемой дамы из уст общительного Паркера помогали скрасить монотонность крутого подъема в гору и преодоление сложного участка пути, и, несомненно, помогли юной леди подготовиться к ежедневному общению с местной знаменитостью.

Леди Денхэм, урожденная мисс Брертон, пришла в этот мир, чтобы обрести богатство, но отнюдь не духовное. Замуж она вышла достаточно поздно, ей было уже под тридцать, но весьма удачно. Ее первым мужем был мистер Холлис, человек пожилой и состоятельный, он владел значительной собственностью в сельской местности, в том числе большей частью Сэндитона. Трудно было понять, на чем держался этот брак, но молодая жена добросовестно ухаживала за престарелым мужем, и тот в благодарность перед смертью завещал ей всё своё движимое и недвижимое имущество. Несколько лет она оставалась вдовой, пока вновь не вышла замуж. Ее второй муж сэр Гарри Денхэм из Денхэм-Парка, расположенного по соседству с Сэндитоном, с радостью женился на состоятельной вдове и сразу перевез ее в свои владенья. Однако деловые качества нового мужа вскоре окончательно разочаровали теперь уже леди Денхэм. Исправлять его финансовые просчеты и уже тем более вести дела она не собиралась. Поэтому, как только супруг слег, леди вернулась в родной Сэндитон и, поговаривают, как-то хвасталась своей подруге, что, хотя и не получила от второго брака ничего, кроме титула, зато и не потратила ни единого пенса. Очевидно, второй раз она вышла замуж исключительно из соображений престижа.

– Иногда, – делился Паркер с Шарлоттой, – она задается, что впрочем, не обижает окружающих, но когда в ней просыпается страсть к деньгам, последствия ее поступков предсказать невозможно. При этом она добродушная женщина, очень добродушная, обязательная и любезная, дружелюбная соседка с независимым, веселым нравом, а ее незначительные промахи легко объяснить недостатком образования. Она не лишена природной смекалки, но порой бывает слишком прямолинейна. В свои семьдесят лет леди в здравом уме и отличной форме для ее возраста, стройна и энергична. И всю энергию она без остатка тратит на развитие и обустройство Сэндитона. Правда, время от времени, проявляет некоторую мелочность. Она не способна заглянуть вперед, увидеть перспективу, как мне хотелось бы, и поднимает шум при малейших текущих затратах, совершенно не задумываясь, какой доход эти скромные вложения смогут принести через год или два. В общем, в плане вложений средств наши взгляды расходятся, мисс Хейвуд. Впрочем, совсем скоро Вы всё увидите своими глазами и сделаете собственные выводы.

Леди Денхэм была действительно значительной фигурой, вокруг которой толпились многочисленные родственники и друзья. Впрочем, всех интересовала не столько сама леди, сколько ее завещание, по которому наследники мог получать солидный доход – несколько тысяч фунтов в год.

На солидное состояние претендовали сразу три родственных клана. Прежде всего, ее кровная родня, которая вполне законно рассчитывала поделить между собой ее тридцать тысяч фунтов. Не хотели упускать свое и законные наследники мистера Холлиса, первого мужа леди,

которые надеялись на ее чувство справедливости, а также члены семейства Денхэм, с которыми ее второй муж надеялся, но не успел заключить выгодную сделку.

Осмотрительная леди всех претендентов держала на расстоянии и никому не отдавала предпочтения. Молчаливая осада, которую устроили родственники на старости лет, ей уже порядком поднадоела. Однако по твердому убеждению мистера Паркера, наименьшими шансами на наследство располагала родня мистера Холлиса, а родня сэра Гарри Денхэма – наибольшим. Он считал, что родственники первого мужа вели себя недальновидно после его похорон и непоправимо испортили отношения с его богатой вдовой, а родственники второго мужа, наоборот, несмотря на бегство леди в Сэндитон, продолжали с ней общаться и леди это оценила. Кроме того, многих из них она знала еще с детства.

Сэр Эдвард, настоящий баронет, племянник сэра Гарри, постоянно проживал в Денхэм-Парке. Мистер Паркер не сомневался, что он и его незамужняя сестра – мисс Денхэм будут непременно упомянуты в завещании. Он искренне надеялся на это. Мисс Денхэм имела очень незначительный доход, а ее брат в курортном обществе слыл просто бедняком.

– Он мог бы стать прекрасным помощником в развитии Сэндитона, – вздыхал мистер Паркер, – будь у него деньги, он бы не скупился, как его богатая тетка. Да он и сейчас помогает по мере сил. Госпожа Денхэм пожаловала ему узкую полоску пустыря, так он строит там небольшой, изящный коттедж и даже планирует украсить его орнаментом. Не сомневаюсь, что уже в этом сезоне на этот домик у моря появится ни один кандидат.

Мистер Паркер был твердо уверен, что за последний год сэр Эдвард вырвался вперед в гонке за наследство леди Денхэм и обошел всех своих конкурентов. Он даже считал, что большая часть наследства уже в кармане у баронета. Но тут появилась еще одна претендентка – юная особа, которую леди Денхэм соблаговолила принять в свою семью. Старая леди уже не раз с успехом отражала попытки неугомонной родни навязать ей в качестве компаньонки ту или иную дальнюю родственницу и обязательно поселить ее в доме богатой тетушки. Но как-то осенью на Михайлов день леди привезла с собой из Лондона мисс Клару Бриртон, которая невольно стала основной соперницей сэра Эдварда в борьбе за деньги леди Денхэм.

Мистер Паркер тепло отозвался о Кларе Бриртон, и Шарлотта слушала его рассказ с неподдельным интересом. Она пыталась представить себе эту девушку, которая заслужила покровительство такой влиятельной особы, несомненно, благодаря своим качествам: миловидная и добродушная, ласковая и застенчивая, воспитанная и рассудительная, так отзывался о бедной родственнице Паркер. Красота, свежесть, бедность и зависимость всегда воспламеняют воображение мужчины, а женщина, наоборот, сочувствует другой в подобной ситуации. Но чем эта девушка покорила своенравную и недоверчивую леди? Мистер Паркер рассказал ей такую историю.

Леди Денхэм много лет не бывала в Лондоне, главным образом, из-за своих двоюродных сестер, которые усердно приглашали ее в гости. Леди упорно игнорировала их приглашения, так как не сомневалась, что всех интересуют только ее деньги. И вот однажды ее терпение лопнуло, пожилая дама отправилась в столицу в сентябре на Михайлов день и решила пробыть там как минимум две праздничных недели.

Она остановилась в гостинице, и, следуя природной расчетливости, дала себе слово, что не потратит ни одного лишнего пенса. Когда через три дня, она попросила счет за проживание, то пришла в ужас от лондонской дороговизны. Она не сомневалась, что в гостинице ее дерзко обманули, и в сердцах решила, что не останется здесь больше ни минуты. Раздумывая, куда бы поехать, она вдруг вспомнила о своих лондонских кузинах, эти ловких и всегда услужливых сестрицах, которые, как ей казалось, постоянно выслеживали ее и пытались заглянуть в чужой кошелек. Но оценив ситуацию, леди Денхэм всё-таки отправилась к ним и провела оставшиеся до ее отъезда дни в их скромном доме, в далеко не аристократическом районе Лондона.

Вопреки ожиданиям, леди была просто очарована радушным приемом, гостеприимством и вниманием и поняла, что ее милые кузины по линии Бриртонов весьма достойные дамы. В конце концов, узнав об их стесненном материальном положении, госпожа Денхэм пригласила одну из девушек этого семейства провести у нее зиму. Через полгода она собиралась облагодетельствовать другую бедную родственницу. А пока выбор леди пал на юную племянницу Клару, которая показалась ей наиболее беспомощной и несчастной, из-за своей бедности она явно была обузой для всех остальных и без покровительства могла в лучшем случае рассчитывать на место няни в богатом лондонском доме.

Клара безропотно приняла приглашение богатой тети и вскоре уехала с ней в Сэндитон, где настолько пришлась ко двору, что леди Денхэм через полгода передумала возвращать ее в Лондон и приглашать на замену кого-то еще. Клара, благодаря своему спокойному и доброму характеру, стала всеобщей любимицей. Настороженность, с которой она столкнулась вначале, быстро рассеялась и все поняли, что эта юная особа и есть лучшая компаньонка для своенравной леди, способная смягчать ее капризы и приступы жадности. Кроме того, она была не только добра, но и удивительно хороша собой, а под благотворным влиянием сэндитонского бриза стала просто красавицей.

Глава 4

– Какое очаровательное имя. Чье же оно? – спросила Шарлотта, взглянув в окно кареты. Она отодвинула пеструю занавеску, чтобы полюбоваться приморским пейзажем: уютный дом на берегу залива, не слишком маленький, но и небольшой, сквозь добротную кованую ограду, обвитую жимолостью, виден великолепный фруктовый сад, аккуратный огород и залитые солнцем лужайки. Как же здесь хорошо, – вздохнула девушка, – совсем, как в Виллингдене.

– О да, – ответил ей мистер Паркер. – Это наш старый дом, дом моих дедов. Здесь родился я и все мои братья и сестры. Здесь мы выросли. Сюда я привел мою жену – миссис Паркер. В этом славном доме появились на свет и трое наших старших детей. Здесь мы жили несколько лет, пока не достроили наш новый дом в Сэндитоне. Мне лестно слышать, что этот уютный уголок так понравился Вам. Кстати, сейчас здесь живет Хильер, и как видите, он прекрасно следит за домом. Поселившись здесь, Хильер, это мой партнер, главный арендатор моих участков, улучшил свои жилищные условия, а я увеличил свой доход. Впрочем, совсем скоро вы увидите наш новый дом. Сразу за этим холмом перед нами откроется чудесный вид на Сэндитон, современный Сэндитон, замечательное место.

Знаете, удивительно, но наши предки во всем предпочитали не высовываться, и даже дома строили в низинах. Из поколения в поколение мы были заперты здесь, без свежего воздуха и простора. Живя у моря, мы не умели ценить этого, а ведь всего в нескольких километрах от нас между Южным Форлендом и Ленд Эндом находилось вот это славное место, где открывается завораживающая панорама на океан. Я уверен, что не ошибся, перебравшись из долины в Трафальгар-Хауз. Мы приедем туда уже совсем скоро, и Вы сами в этом убедитесь в правильности моего выбора. Единственное, о чем я сожалею, это то, что назвал имя Трафальгар. Его стоило назвать Ватерлоо, в честь другого, более значимого сражения. Впрочем, это имя я оставил про запас, если в этом году нам удастся возвести в Сэндитоне оригинальное здание в форме небольшого амфитеатра (надеюсь, что так оно и будет), то мы обязательно назовем его «Амфитеатр Ватерлоо». Это будет прекрасный ход для привлечения отдыхающих в наши края, но самое главное, нам будет, где их достойно принять.

– Какой милый дом и как счастливы мы были в нем, – сказала миссис Паркер, обернувшись назад, и с нежностью и сожалением полюбовалась на него. – И такой милый сад – такой прекрасный сад!

– Да, моя любовь, но ведь мы, можно сказать, и не расстаемся с этим домом до сих пор. Нам, как и раньше, привозят отсюда фрукты и овощи. Это так удобно, у нас всегда на столе овощи со своего огорода, но при этом нам не нужно за ним следить, вскапывать, полоть, поливать и самое неприятное, убирать ботву осенью. Согласись, что может быть головокружительнее аромата капустной грядки в октябре?

– Конечно, дорогой. Теперь нас даже лучше снабжают овощами, чем прежде, а если нам иногда забывают вовремя привезти фрукты и овощи, то мы всегда можем купить всё, что нужно, в Сэндитон-Хаузе. Тамашний садовник этому только рад. Но всё-таки здесь для наших детей было раздолье, а летом в старом тенистом саду всегда царили покой и прохлада!

– Дорогая моя, у нас будет достаточно тени и на холме, более чем достаточно, потерпи еще пару лет. Ты сама знаешь, что саженцы, которые я привез, растут на зависть всем. А пока мы спрячемся от солнца под отличным парусиновым тентом, он даст хорошую тень.

Кроме того, ты в всегда можешь купить для нашей маленькой Мэри зонтик у Витби или шляпку с широкими полями у Джебба. Что касается мальчиков, то я считаю, что им лучше не прятаться от солнца и бегать без головных уборов. Я уверен, дорогая, что ты, как и я хочешь, чтобы наши сыновья выросли крепкими и закаленными.

– Да-да, я полностью согласна с тобой. И я обязательно куплю Мэри изящный детский зонтик. Представляю, как важно она будет прогуливаться с ним и воображать себя маленькой леди. Я не сомневаюсь, что на новом месте мы будем жить даже лучше, чем когда-либо. Захотелось поплавать – нет проблем: до берега всего несколько сотен метров. Но, знаешь ли, – и леди вновь оглянулась назад, – порой так хочется повидать старого друга или переступить порог родного дома, где прошли счастливые годы. Кстати, Хильеры, кажется, и не заметили, что всю зиму на побережье бушевали штормы. Я как-то встретила миссис Хильер после одной из тех ужасных ночей, когда нас буквально раскачивало в собственных кроватях, а они даже не почувствовали ураганного ветра, говорят, что у них он был чуть сильнее, чем обычно.

– Да-да, вероятно, так и было. Штормы у нас проходят во своем своём великолепии, но самом деле они для нас совершенно безопасны, ветер бушует вокруг нашего надежного дома, злится и ни с чем, рассерженный улетает в долину. А внизу, в этой сквозняковой трубе, может произойти всё, что угодно, сегодня там ветер едва качает вершины деревьев, а завтра может обрушиться на головы беспечных жителей ураганом.

Что же касается, овощей и зелени, о которых ты только что говорила, нам их может привозить и садовник леди Денхэм. Этот старый Стрингер, конечно, не очень-то и надежный. Я разговаривал с ним, и он с радостью обещал выполнять все наши заказы, но что-то здоровье подводит старика. Он, несомненно, поправится, но пока не преодолеет болезнь, мы, я думаю, будем оказывать ему посильную помощь. Когда нам в очередной раз не привезут свежие овощи с огорода, а это случается довольно часто, то мы можем гарантировать бедному верному Эндрю сохранение ежедневной занятости; фактически он будет покупать большую часть требующихся нам овощей и фруктов у Стрингера.

– Отлично, любовь моя. Наконец-то, наша повариха будет довольна. Это известие ее порадует. Потому что в последнее время она частенько жалуется на Эндрю и говорит, что он вечно приносит не то, что нужно. Ну, вот и наш старый добрый дом совсем скрылся из виду. Это, правда, что твой брат Сидней хочет перестроить его и открыть там больницу?

– Что ты, моя дорогая Мэри, это его очередная шутка! Он в шутку посоветовал мне открыть там больницу, он постоянно подтрунивает над моими ноу-хау. Ты ведь уже привыкла, что у нашего Сидни, что в голове, то и на языке. Он всегда болтает то, что вздумается. Как говорится, в семье не без оригинала, верно, мисс Хейвуд? Кстати, почти в каждой семье есть такой человек, который завоевывает право говорить то, что вздумается. В нашей семье это мой брат Сидней, очень умный молодой джентльмен приятной наружности. Его единственный недостаток – желание объять необъятное, он не может остановиться на чем-то одном. Синди одновременно и здесь, и там, и повсюду. Я мечтаю направить его кипучую энергию на благо Сэндитона. Как только он появится здесь, я вас обязательно познакомлю. Представляю, как украсил бы собой наш курортный городок такой светский щеголь как Сидней, да еще и с его модным экипажем. Он бы произвел здесь настоящий фурор. Многие влиятельные особы, осмотрительные мамы и их дочки на выданье приехали бы отдыхать сюда, а не в Истборн и Гастингс.

Тем временем вдали показалась церковь старого Сэндитона. Карета стремительно подъезжала к этому чистенькому и уютному городку, приютившемуся у подножья зеленого холма, на который путешественникам предстояло подняться. Склон холма густо зарос лесом, но издали бросалась в глаза яркая прерывистая линия оградений Сэндитон-Хауза и неровный контур пустыря, отведенного под строительство домов для отдыхающих. В долине, уходящей вниз к морю, петляла небольшая речушка, в ее устье были едва заметны скромные рыбацкие домики.

Центр старого Сэндитона украшали несколько коттеджей своеобразной архитектуры; они выглядели мило и трогательно, но в то же время стремились привлечь на себя внимание приезжих ослепительно белыми занавесками и недвусмысленными объявлениями «сдаем комнаты». Мистер Паркер с гордостью обратил внимание своей юной гостьи на приглянувшиеся ему пару-

тройку особняков. В зеленом дворике старого фермерского дома Шарлотта заметила двух женщин в изящных светлых платьях, они сидели на легких складных стульях с открытыми книгами на коленях. Когда карета свернула за угол и обогнула булочную, то путешественники слышали звуки арфы.

Мистер Паркер был счастлив, хотя он и не считал родную деревню перспективным местом, поскольку она находилась слишком далеко от берега, но дух входящего в моду курорта, он ощущал даже здесь, в низине. А на холме в этом году от желающих подлечиться и отдохнуть, уж точно отбоя не будет. Он предвкушал изумительный сезон. В прошлом году, в это же золотое время – в конце июля в деревне не было ни одного постояльца! Он припомнил лишь одну лондонскую семью, которая в прошлом году приезжала сюда на отдых. Родители привезли к морю измученных коклюшем детей, морской воздух, и в этом с мистером Паркером трудно было не согласиться, как известно, лучшее средство от этой болезни. Нервная мать семейства часто гуляла с малышами на берегу, но не позволяла детям приближаться к воде, боясь, что они утонут.

– Цивилизация, да здравствует цивилизация! – восхищенно восклицал мистер Паркер. – Ты только посмотри, моя дорогая Мэри, на окна Уильяма Хили. Синие модные ботинки и золотистые тканевые сапожки из нанки! Когда такую стильную обувь можно было увидеть у сапожника в нашем старом Сэндитоне! Каждый месяц что-то новое, что-то прогрессивное. Синих ботинок здесь точно не было, когда мы проезжали мимо месяц назад. Потрясающе! Мои труды всё-таки были не напрасны! А теперь скорее – к нашему холму, к нашему пышущему здоровьем холму!

Карета поднималась по дороге всё выше и выше, позади осталась маленькая сторожка у ворот Сэндитон-Хауза, как вдруг над густой листвой взметнулся шпиль нового дома Паркеров, его крыша была скрыта кронами деревьев. Сразу за ним начинался курорт. Когда карета миновала пустырь на вершине холма, Шарлотта увидела Проспект Хауз, Белевью Коттедж и Денхэм Плейс. Она с любопытством разглядывала постройки, а мистер Паркер напряженно считал объявления и пешеходов. В этот момент он хотел только одного – не встретить по дороге домой ни одного пустого дома. Он отметил про себя, что на окнах осталось больше объявлений, чем он предполагал, на улицах было меньше экипажей и гуляющих. В это время отдыхающие как раз должны возвращаться на обед после приема воздушных ванн и прогулок у моря, но в центре было пустынно; возможно, многие задержались на песчаном пляже или на Террасе, успокаивал себя мистер Паркер, а прилив, должно быть, поднялся только наполовину. Он уже представлял себя на пляже, на прибрежном обрыве, в собственном доме и во всем новом Сэндитоне одновременно. Его настроение поднималось при одном взгляде на полоску моря и ему казалось, что больная нога уже в порядке.

Трафальгар-Хауз, представлял собой легкое и изящное здание, удачно расположенное на небольшой лужайке с очень молодой зеленой порослью вокруг. Особняк Паркеров был построен на самой высокой точке холма всего в ста метрах от края крутой, но не громоздкой скалы. Дом подступал к скале, пожалуй, ближе других зданий, за исключением, небольшого ряда щеголеватых особняков, называемых Террасой, с широкой аллеей по фасаду – местом для прогулок. Здесь открыли салон дамских шляпок, бильярдную и библиотеку, отсюда начинался спуск на пляж и к кабинам для переодевания, поэтому Терраса по праву стала любимым местом всех красавиц и модниц Сэндитона.

Неподалеку от Террасы у Трафальгауза, усталые путники вышли из кареты; счастливые дети обнимали родителей, которых не видели целый месяц.

Шарлотте отвели уютную комнату, она не без удовольствия стояла у венецианского окна, рассматривая недостроенные здания, пестрые крыши домов, колышущиеся на ветру холсты; она любовалась морем, волнующимся и сверкающим под лучами солнца, и наслаждалась свежим бризом.

Глава 5

Когда она спустилась вниз к обеду, мистер Паркер перебирал почту, скопившуюся за месяц его отсутствия.

– Ни строчки от Сиднея! – возмутился он. – Вот лодырь. Из Виллингдена я написал ему о том, что повредил ногу и надеялся, что он мне хотя бы посочувствует. Но он даже не ответил. Впрочем, может быть, Синди не ответил, потому что решил поддержать меня не на словах, а на деле, и скоро приедет в Сэндитон. Видимо, я как всегда прав, что ж, будем ждать дорогого гостя. Так, что у нас тут еще? Ну, вот, пожалуйста, письмо от одной из моих сестер. Они никогда не подводили меня. Женщины – самые надежные корреспонденты. Мэри, – он подмигнул жене, – прежде чем я распечатаю этот конверт, давай угадаем, что на этот раз заболело у моей милой сестрички, или точнее, давай представим, что по этому поводу сострил бы наш Сидней, будь он здесь? Сидней – тот еще острослов, мисс Хейвуд. Не удивляйтесь, если он при всех сообщит, что мои сестры придумали себе очередную болезнь. Дело обстоит не так или, не совсем так. У них, действительно, очень слабое здоровье. Мы часто обсуждаем в своем кругу эту наболевшую тему.

Бедняжки, они с детских лет не знают, что такое настоящее здоровье. Но болезни не испортили их характер, они выросли доброжелательными и сильными духом. Порой сестры бывают даже слишком требовательны к себе, это удивляет окружающих, особенно тех, кто близко не знаком с ними. Так что, вопреки утверждениям древних, в слабом теле вполне может укорениться здоровый дух. А вот наш самый младший брат Артур совсем не похож на них. Ему двадцать с небольшим, но он до сих пор теплый ребенок, болезненный и изнеженный.

Сидней регулярно потешается над ним и над всей нашей честной компанией, я его одергиваю, так и живем. Я думаю, если бы Сидней сейчас был с нами, то увидев это письмо, он сказал бы что-то вроде: «Как? Они всё еще живы? Наши бедные Сьюзен, Диана и Артур».

Пробежав глазами письмо, мистер Паркер покачал головой и печально проговорил:

– Увы, ни сестры, ни Артур не приедут к нам в Сэндитон. Не хочется вас расстраивать, милые дамы, но дела у них идут неважно. Мэри, дорогая, я знаю, как ты переживаешь за сестер, но, прошу тебя, не принимай всё близко к сердцу. Мисс Хейвуд, если вы позволите, я прочитаю вслух письмо Дианы. Я так хотел вас познакомить с моей сестрой, но, к сожалению, придется сделать это заочно. Уверен, Диана произведет на Вас хорошее впечатление, поскольку она всегда остается сама собой. Даже по первым строкам ее письма, Вы поймете, какая она дружелюбная, добросердечная и деятельная особа.

Итак, вот что сообщает наша Диана:

«Дорогой Том, мы так переживали за тебя, узнав из твоего письма об этом страшном происшествии. Если бы ты не написал нам, что попал в такие милые, добрые руки, я, во что бы то ни стало, приехала бы к тебе уже на следующий день, невзирая на сильнейший приступ желчнокаменной болезни. У меня были такие сильные спазмы в желчном пузыре, что я едва смогла перебраться с кровати на софу.

Я очень волнуюсь за твою ногу. Обязательно напиши подробно, как тебя лечили и какой окончательный диагноз поставили врачи? Если у тебя, как ты смог определить сам, было лишь растяжение связок, то нет ничего лучше растираний. Больное место надо сразу хорошенько размять рукой.

Пару лет назад, когда я приехала к миссис Шелдон, ее кучер как раз растянул себе ногу, ремонтируя карету. Он едва смог дохромать до порога; однако, многочасовые растирания (я сама, собственной рукой в течение шести часов без перерыва, массировала его лодыжку) дали великолепный результат. Через три дня он снова был на ногах.

Огромное спасибо тебе, дорогой Том, за заботу и за самоотверженность в поиске доктора для нас. Ведь, если бы ты не подыскивал нам врача, то и сам бы не пострадал в дальней дороге. Умоляю тебя, никогда больше не подвергай себя риску ради нас! Даже если бы ты привез в Сэндитон лучшего во всей округе эскулапа, мы бы всё равно не обратились к нему за помощью, так как окончательно разочаровались во всем этом знахарском племени. Обойдя всех наших докторов, одного за другим, мы с сестрой поняли, что даром потратили время. Лучшие врачи – это мы сами, так как никто кроме нас самих, не знает лучше свой организм. Однако, дорогой брат, если тебе на курорте обязательно нужен хороший доктор, то я готова навести необходимые справки и найти для тебя стоящего специалиста.

Что касается моего приезда в Сэндитон, то сейчас это совершенно невозможно. Мне очень хочется увидеть всех вас, но боюсь, что морской воздух мне сейчас только навредит. Ни одна из моих верных подруг также не хочет покидать меня до тех пор, пока мне не полегчает, иначе я непременно отправила бы их к вам погостить. Малышка Сьюзен, думаю, тоже вряд ли выдержит утомительную поездку на юго-восток, у нее совсем расшатались нервы. Всё началось с приступов головной боли, бедняжке поначалу ставили пиявок, по шесть раз на день. Лечение длилось десять дней, но не дало результатов. Тогда я сама осмотрела сестру и поняла, что причина всех бед – воспаление десен. Я убедила Сьюзен в необходимости вылечить их раз и навсегда. Она отправилась к стоматологу и удалила сразу три зуба, ей сразу стало легче, но теперь она может говорить только шепотом и уже дважды падала в обморок, когда Артур вдруг не к месту кашлянул. Кстати, наш Артур сейчас, в отличие от нас, в хорошей форме, правда, печень у него немного увеличена.

Давно не было никаких вестей от Синди. Мы не видели его с тех пор, как вы с ним вместе были у нас в гостях. Но думаю, что Синди всё-таки не отправился на далекий остров Уайт, как собирался, иначе он обязательно бы прогарцевал под нашими окнами.

Милый брат, от всего сердца желаем тебе удачного сезона в Сэндитоне и, хотя лично мы не сможем украсить своим присутствием твой курортный бомонд, но сделаем всё возможное, чтобы склонить к поездке на побережье достойных людей. Я почти не сомневаюсь, что по нашей рекомендации к вам со дня на день прибудет большая, и весьма состоятельная, семья, раньше они жили в Вест-Индии, а теперь перебрались в Суррей, а также воспитанницы респектабельного Пансиона для девушек в Кембервиле. Я не буду говорить тебе, сколько людей мы задействовали, чтобы создать репутацию новому курорту, словом, трудились, как белки в колесе. Будем надеется, что наши труды не были напрасны. Нежно любящая тебя Диана и прочее».

– Вот так, – произнес мистер Паркер, отложив письмо. – Сидней нашел бы в нем массу поводов для шуток, и мы бы хохотали над каждой строчкой до слез. Я не вижу в письме ничего ироничного, оно мне кажется очень искренним и достойным. Сестры, не взирая на трудности, находят в себе душевные силы, чтобы совершать благие дела. Страдая от недугов, они от всего сердца желают процветания Сэндитону. Для многодетной семьи, вероятно, подойдет Проспект Хауза, а для девушек – Денхэм Плейс номер 2 или крайний особняк на Террасе, с дополнительными постелями в гостинице. Вот видите, мисс Хейвуд, мои сестры – прекрасные женщины.

– Удивительные женщины, – кивнула Шарлотта. – Я поражена бодрым стилем письма, особенно если принять во внимание болезненное состояние, в котором пребывают обе Ваши сестры. Удалить сразу три зуба – это просто подвиг! Ваша сестра Диана, кажется, едва жива, но эти три зуба сестры Сьюзен произвели на меня неизгладимое впечатление.

– О, они так привыкли к операциям и медицинским манипуляциям!

– Вашим сестрам, конечно, лучше знать, но, по-моему, они лечатся не щадя живота своего. Я бы на их месте всё-таки прислушалась к советам врачей и не занималась самолечением. Впрочем, прошу прощения, я не вправе давать советы, так как в моей семье никто никогда не жаловался на здоровье.

– По правде говоря, – вмешалась в разговор рассудительная миссис Паркер, – я тоже считаю, что обе мисс Паркер, в самоврачевании дошли до самобичевания. И ты, любовь моя, я знаю, такого же мнения. Ты часто думаешь, что было бы лучше, если бы они оставили в покое и себя, и Артура. Все их болезни происходят от чрезмерной заботы о собственном здоровье.

– Да, да, моя дорогая Мэри, согласен, моему младшему брату не повезло. Он, действительно, решил, что слишком болен, чтобы заняться хоть каким-то делом и в двадцать один год довольствуется лишь скромными процентами от своего небольшого состояния. Ну, не будем о грустном, тем более, что в дверях появился наш верный Морган, который принес радостное известие: «Кушать подано».

Глава 6

После обеда Мистер Паркер вместе с супругой направился в библиотеку, но его интересовали отнюдь ни книжные новинки, а журнал, в который ровным почерком вписывали каждого вновь прибывшего отдыхающего. Шарлотта пошла вместе с ними, ей не терпелось поскорее увидеть курортный городок.

Они вышли из дома в тот самый счастливый час, когда в Сэндитоне все были заняты такими неотложными делами, как обед или послеобеденный отдых. Правда, на опустевшем бульваре им, нет-нет, да и встречался одинокий пожилой господин, которому для здоровья были рекомендованы пешие прогулки, но тихое постукивание его трости не тревожило прибрежный город. В этот час курорт дремал и его покой, казалось, не нарушали ни шум прибоя, ни легкий порыв ветра, который едва ли мог задеть колокольчик на двери небольшого магазина или лавчонки. Соломенные шляпки и широкие накладные кружева на витринах заждались своих покупательниц и, увы, могли залежаться до следующего сезона. Книгами в местной библиотеке, сегодня тоже никто не интересовался, кроме ее хозяйки – миссис Уитби, которая сучала в дальней комнате и от нечего делать перелистывала собственный роман.

Мистер Паркер внимательно изучал список посетителей библиотеки, но он не представлял интереса. Вслед за леди Денхэм, мисс Бриртон, мистером и мисс Паркер, сэром Эдвардом и мисс Денхэм, которые личным примером открывали читально-купальный сезон, следовали менее значительные имена: миссис Мэтьюз, Мисс Е. Мэтьюз, мисс Г. Мэтьюз; доктор и миссис Браун; мистер Ричард Пратт; лейтенант Смит из ВМС, капитан Литтл – Лаймхауз; миссис Джейн Фишер, мисс Скроггс, священник мистер Хенкинг; мистер Бид – представитель юридической конторы «Грейс Инн»; миссис Дейвис и мисс Мерривезе.

«Ни одного нового имени! Ни одной знатной персоны! Похоже, наших подписчиков стало даже меньше, чем год назад! – сокрушался мистер Паркер. Ему оставалось утешать себя только тем, что на дворе июль и пик сезона еще впереди. – Ничего-ничего, в августе и сентябре всё будет иначе, тем более скоро придут два больших семейства из Суррея и Кэмбервелла».

Тем временем миссис Уитби отложила книгу и поспешила к мистеру Паркеру, которого она всегда обслуживала с особым удовольствием. Пока они обменивались любезностями, Шарлотта, добавила свое имя в список читателей и занялась выбором книг и сувениров, терпеливо дожидаясь, когда миссис Уитби, дама в веселых кудряшках и модных безделушках, уделит внимание и ей.

Казалось, что в этой маленькой библиотеке нашлось место всем бесполезным вещам, которые только есть на свете и от которых совершенно невозможно избавиться. Мистер Паркер советовал Шарлотте сегодня не скупиться, и приобрести всё, что ей приглянулось. Но, как благоразумная девица двадцати двух лет отроду, она решила не поддаваться искушению и потратить все деньги в первый же день. Выбрав всего одну книгу, томик "Камиллы", она стойко отвернулась от витрины с брошами и кольцами, тактично отвергнув настойчивые предложения и советы миссис Уитби, и сама расплатилась за покупку.

Они вышли из библиотеки, и мистер Паркер решил показать своей гостье еще одну местную достопримечательность – скалистый утес, нависающий над морем. Шарлотта уже предвкушала радость предстоящей прогулки, но у библиотеки им повстречались две дамы, которые искали встречи с мистером Паркером, чтобы убедиться, что он вернулся домой абсолютно здоровым. Это были леди Денхэм и мисс Бриртон. Они уже побывали в Трафальгар-хауз, но не застав хозяев дома, отправились вслед за ними в библиотеку. Леди Денхэм была совершенно бодра – прогулка длиной в полтора километра не могла ее утомить – и, увидев соседа в добром здравии, намеревалась немедленно направиться домой, но мистер Паркер знал, что лучше

всего пригласить ее на чашку чаю, поэтому вместо прогулки по утесу все поспешили в Трафальгар-хауз.

– Нет, нет, – говорила леди Денхэм, – я не хочу, чтобы из-за меня вы пили чай раньше. Я знаю, вы предпочитаете поздний чай. Мои привычки не должны доставлять неудобства соседям. Поэтому мы с мисс Кларой пойдем к себе. Мы пришли сюда с единственной целью: повидать вас и убедиться, что вы приехали, а чай мы можем выпить и дома.

Однако пожилая дама отказывалась от приглашения недолго и вскоре с невозмутимым видом сидела в центре гостиной и, казалось, совершенно не замечала, как миссис Паркер, едва войдя в дом, тут же велела подать чай. Шарлотта несколько не сожалела о несостоявшейся прогулке, ее больше интересовали две новые знакомые. Она внимательно рассматривала их. Леди Денхэм была среднего роста, плотная, с несгибаемой спиной и нескончаемой энергией, быстрая в движениях, с пронизательным взглядом, самоуверенным, но довольно приятным выражением лица и резкими манерами человека, готового всегда говорить правду. Но в ней были добродушие и сердечность, приветливость и желание завязать знакомство с Шарлоттой, а также искренняя радость по поводу возвращения старых друзей, – по всей видимости, она явно испытывала к ним расположение.

Юная мисс Клара Бриртон в точности соответствовала описаниям мистера Паркера. Шарлотта подумала, что никогда раньше не встречала такой красивой молодой женщины. Высокая и изящная, мисс Клара была хорошо сложена и щедро одарена природой: правильные черты лица, нежная кожа с легким румянцем, выразительные голубые глаза, которые подчеркивали темные локоны. Сама мисс Бриртон, как будто не замечала своих внешних достоинств и вела себя весьма скромно. Она показалась Шарлотте самым совершенным воплощением прекрасных героинь тех многочисленных романов, что пылились на полках у миссис Уитби. Вероятно, мысль о Кларе Бриртон как о героине любовного романа возникла у Шарлотты после недавнего посещения библиотеки, но ее печальная биография, рассказанная мистером Паркером по дороге на курорт, только усиливала это впечатление. Казалось, роль компаньонки досталась Кларе лишь для того, чтобы с ней плохо обращались, а ее бедность и зависимость при такой красоте и добродетелях не оставляли ей иного выбора, как стать жертвой обстоятельств.

Рассудительная Шарлотта внимательно изучала мисс Бриртон, словно сошедшую со страниц романа, и первые несколько минут мысленно рисовала себе разнообразные гонения, которым должна подвергаться Клара со стороны леди Денхэм, однако затем, немного присмотревшись, поняла, что отношения между ними вполне гармоничные. Шарлотта не могла ни в чем упрекнуть леди Денхэм, разве что в несколько старомодном обращении к девушке, она всегда называла ее «мисс Клара». Да и в любезном и внимательном отношении Клары к леди Денхэм не чувствовалось никакого недовольства. Леди Денхэм вела себя с Кларой дружелюбно, с оттенком покровительства, а Клара отвечала ей благодарностью, уважением и нежной заботой.

Все разговоры в гостиной были только о Сэндитоне, они обсуждали количество приезжающих и делились надеждами на удачный курортный сезон. Было совершенно очевидно, что пожилая леди явно обеспокоена не особенно удачным началом сезона, чем ее компаньон – Том Паркер.

Она хотела, чтобы курорт побыстрее заполнился отдыхающими, и не скрывала тревоги по поводу пустующих домов на Террасе. Разумеется, речь зашла и о двух долгожданных семьях, о которых писала мисс Диана Паркер.

– Превосходно, просто превосходно, – сказала пожилая дама. – Богатая семья из Вест-Индии и воспитанницы пансиона. Звучит многообещающе. Это принесет доход.

– Никто не тратит деньги с такой легкостью, чем выходцы из Вест-Индии, – заметил мистер Паркер.

– Я тоже об этом слышала, и, поскольку кошельки у них набиты, они воображают, что ничем не хуже здешней знати. Им и дела нет, что, швыряя деньги направо и налево, они спо-

собствуют росту цен. Меня предупреждали, что если Сэндитон приглянется выходцам из Вест-Индии, то цены даже на самое необходимое у нас неизбежно поползут вверх, и кто знает, может быть, мы будем им не так уж и рады, мистер Паркер.

– Что Вы, сударыня, своими высокими запросами они поднимут цены только на предметы роскоши, и нам от этого будет только польза, а не разорение. К тому же наши мясники, пекари и мелкие торговцы, разбогатев, принесут процветание и нам, арендодателям. Ведь они не смогут выплачивать нам арендную плату, если не получают дохода. А когда они разбогатеют, то и мы сможем поднять арендную плату и в убытке не останемся, уж точно.

– Ну, ладно, ладно. Но я против того, чтобы цена на мясо поднималась, и буду сбивать ее, сколько смогу. Я вижу, эта юная леди улыбается. Осмелюсь предположить, что я кажусь ей странной, но и ей в свое время придется заботиться о таких вещах. Да, да, моя милочка, будьте уверены, в свое время и вы будете думать о цене на мясо, хотя, возможно, вам не придется, как мне, иметь полный дом слуг, которых надо кормить. Я полагаю, тем, у кого меньше слуг, живется гораздо легче. Все знают, что я ничего не делаю напоказ, и, если бы я не чувствовала своего долга перед памятью мистера Холлиса, то я бы не поддерживала Сэндитон-хауз в таком безупречном виде, как сейчас. И я это делаю не ради собственного удовольствия.

Так, мистер Паркер, а другие приезжие – это пансион, французский пансион, да? Тоже неплохо. Они наверняка пробудут здесь месяца полтора. И, как знать, вдруг среди них найдется какая-нибудь чахоточная, которой необходимо ослиное молоко, у меня сейчас как раз две молочные ослицы. Кстати, эти молоденькие барышни могут испортить мебель. Будем надеяться, что за ними будет присматривать достаточно строгая гувернантка.

Благородное стремление мистера Паркера – выписать на курорт собственного врача, которое привело его в Виллингден, нашло у леди Денхэм не больше понимания, чем у его собственных сестер.

– Бог мой, дорогой сэр! – вскричала она. – Как Вам в голову такое могло прийти? Поехать за доктором! Зачем? Мне очень жаль, что вы повредили ногу, но, честное слово, поделом Вам. На что нам тут врач? Будет доктор и все в городе сразу побегут к нему лечиться. Нет доктора – не болезней. Так что никаких врачей в Сэндитоне! Нам и так хорошо. Здесь море, и дюны, и мои молочные ослицы, и я говорила миссис Уитби, что, если кому-нибудь понадобится инвалидная коляска, ее тоже можно предоставить за разумную плату (от бедного мистера Холлиса осталась, совсем как новая), а что еще требуется для здоровья? Я прожила здесь добрых семьдесят лет и за все это время принимала лекарство не больше двух раз и в жизни не видела ни одного доктора в лицо. И свято верю, что если бы мой бедный дорогой сэр Генри тоже никогда не встречался бы с докторами, то был бы жив и по сей день. Человек, отправивший его в мир иной, получил от меня десять денежных вознаграждений, одно за другим. Умоляю, мистер Паркер, не надо нам никаких докторов.

К этому времени подали чай. Леди Денхэм, взглянув на поднос, тяжело вздохнула:

– Ах, дорогая моя миссис Паркер, ну что вы, не нужно было этого делать. Зачем? Я как раз собиралась пожелать вам доброго вечера и откланяться. Но раз уж вы так гостеприимны, думаю, что нам с мисс Кларой придется остаться.

Глава 7

На следующее утро к Паркерам нагрянули гости, среди них были сэр Эдвард Денхэм и его незамужняя сестра. Недавно они приехали в Сэндитон-Хауз и теперь решили по-соседски заглянуть к Паркерам. Шарлотта и миссис Паркер едва успели закончить письма родственникам о том, что благополучно прибыли на побережье и погода стоит великолепная, как пришлось срочно спускаться в гостиную, чтобы достойно встретить друзей семьи.

Шарлотту в этой компании интересовали, пожалуй, только Денхэмы. Она была рада этому знакомству. Когда ее представили брату и сестре, она подумала, что брат, пожалуй, – лучшая половина этой пары, хотя сестра тоже весьма интересная особа.

Мисс Денхэм была видной молодой леди, но несколько холодной и манерной. Она знала себе цену, но при этом также ясно осознавала свою бедность. Ей было неловко, что они с братом сегодня приехали на обычной двуколке, а не в модном экипаже, как того требовал их статус, но не позволяли средства.

Сэр Эдвард держался явно увереннее сестры, возможно, потому что был невероятно хорош собой и, конечно же, знал об этом. Элегантный, общительный и предупредительный, он сразу стал центром внимания. Когда всех пригласили к столу, он неожиданно присел рядом с Шарлоттой. Их глаза встретились, рукава едва соприкоснулись и Шарлотта, немного смущенная, с удовольствием принимала знаки внимания и с интересом слушала разговорчивого баронета. Сейчас она смогла внимательно рассмотреть своего собеседника и отметила про себя, что у сэра Эдварда тонкие аристократичные черты лица, приятный голос и безупречное воспитание. Он нравился ей всё больше и больше. И судя по всему Шарлотта тоже не оставила его равнодушным. Сэр Эдвард даже не обратил внимания на красноречивый намек своей сестры о том, что пора уходить, и продолжал увлеченно беседовать с Шарлоттой. Она гордилась своей маленькой победой, вовсе не из тщеславия, вряд ли на свете есть хоть одна женщина, которая не хотела бы нравиться. Так они стояли очарованные друг другом у низкого французского окна, из которого открывался прекрасный вид на петляющую среди зелени дорогу и многочисленные тропинки, сбегаящие по крутому холму, пока внизу не разглядели двух прогуливающихся дам. Одна из них была в годах, но шла бодро и уверенно, вторая – юная леди, учтиво сопровождала ее. Это были леди Денхэм и мисс Бриртон. Шарлотта сразу заметила, как с их появлением легкая тревога появилась в глазах сэра Эдварда, но он быстро справился с волнением и почтенно откланявшись, попрощался. Взволнованная Шарлотта, наконец, вздохнула с облегчением, когда сэр Эдвард ушел, к ней снова вернулась рассудительность. Она видела, как прекрасный баронет и его сестра чинно направились к Террасе и подумала: «Что-то в нем всё-таки есть, и титул совершенно не портит его прочих достоинств».

Не прошло и часа, как Шарлотта неожиданно для себя снова оказалась в обществе сэра Эдварда. Сразу после ухода гостей Паркеры решили немного пройтись. Прогулку, по здешней традиции, они начали с Террасы, это место притягивало всех, и не удивительно, что там они снова повстречали Денхэмов. Благородное семейство занимало одну из двух зеленых скамеек у пешеходной дорожки, усыпанной гравием. Денхэмы отдыхали все вместе, но сразу было понятно, что две леди Денхэм общались между собой, а сэр Эдвард и мисс Бриртон уединились в стороне от дам. Взглянув на сэра Эдварда, Шарлотта сразу поняла, что он влюблен, влюблен в Клару Бриртон.

Но вот как относилась к сэру Эдварду сама мисс Бриртон, это было ей пока не совсем ясно. Похоже, Клару совсем не радовало его присутствие, хотя они сидели довольно близко друг другу. Возможно, мисс постеснялась резко отодвинуться от своего воздыхателя, их близость совсем не волновала ее, спокойная и серьезная, казалось, что она поддерживает беседу только из вежливости.

На другом конце скамьи юная леди в компании пожилой дамы, наоборот, была воплощением общительности.

Шарлотта смотрела на чопорную и холодную мисс Денхэм и не узнавала ее. Час назад она надменно сидела в гостиной, и даже хозяйка дома – миссис Паркер не смогла ее разговорить. И вот сейчас эта манерная аристократка присела рядышком с мисс Денхэм, без умолку болтала, ловила каждое слово своей собеседницы с притворным вниманием и всем своим видом выражала восхищение пожилой дамой. Со стороны это выглядело забавно, если смотреть на поведение мисс Денхэм с точки зрения иронии или печально, если вспомнить о морали. Теперь Шарлотта совершенно потеряла интерес к мисс Денхэм, ее сущность стала абсолютно ясна.

Сэр Эдвард был не так прост, и его поступки казались Шарлотте не такими однозначными. Увидев ее на Террасе, он тут же оставил свою прекрасную бедную Клару и всё своё внимание сосредоточил на Шарлотте. Теперь он также присел на скамейку рядом с юной гостьей Паркеров и стремился изо всех сил полностью сосредоточить внимание девушки на себе, отгораживая ее от других.

Беседу он начал страстно, как герой, волею судьбы попавший с корабля на бал, он никак не мог привыкнуть к блеску высшего света и всё еще бредил морем. Устрашающее величие океана во время шторма, его невозмутимая поверхность в штиль, белые чайки и нежно-зеленые солеросы, таинственная и манящая глубина, ее милость и коварство и моряки, такие же страстные и влюбленные в океан мужчины, как сэр Эдвард, готовые каждый день вступать в неравный бой с водной стихией. Эта буря эмоций вызвала в душе Шарлотты ответный порыв, избитые фразы в устах темпераментного баронета звучали вполне убедительно до тех пор, пока он не попытался покорить ее своими познаниями и утонченностью литературного вкуса.

– Вы помните, – сказал он, – прекрасные строки Скотта о море? О! Как тонко передает он оттенки переменчивой стихии! Я часто вспоминаю его стихи, когда гуляю здесь на побережье. Ах, человек, который может читать их без волнения, имеет нервы хладнокровного убийцы! Не дай Бог встретить такого, не имея оружия в руках.

– Позвольте, какие строки Вы имеете в виду? – переспросила удивленная Шарлотта. – Я не припоминаю ни одного стихотворения Скотта о море.

– Вы действительно не помните? Я, кстати, тоже не могу сейчас вспомнить начало. Однако вы уж точно не могли забыть его крылатую фразу, посвященную женщине–

О! Женщина в часы душевного покоя —

Изысканно! Метко! Скотт мог больше не писать ничего, одна эта строка обеспечила бы ему славу на века. Или вот еще, – ни с чем несравнимая, непревзойденная поэтическая характеристика отеческой любви:

Мы чувства свыше обрели

В них больше неба, чем земли – etceteras, как говорили древние, и так далее, и так далее...

Раз уж мы заговорили о поэзии, что Вы скажите, мисс Хейвуд, о строках Бёрнса, посвященных его Мэри? О! В них такая страсть, они способны свести с ума! Если и был на земле поэт, который умел по-настоящему чувствовать – это был Бёрнс. Монтгомери – это яркое пламя поэзии, Вордсворт – ее истинная душа, Кэмпел в его «Радостях надежды» – глубина чувств —

Как ангелы нечасто спускаются с небес.

Можете вы, представить себе более трогательное, прочувствованное и емкое выражение душевных переживаний, чем эта строка? Но Бёрнс – есть Бернс, он не имеет себе равных, верно, мисс Хейвуд? Скотту не хватает страсти, утонченный, изящный, лиричный, но – скучный. Поэт, не способный испытать и описать страстную любовь к женщине, вызывает у меня неприязнь и даже жалость. Нет, конечно, и у него бывали озарения, вроде:

О! Женщина в часы душевного покоя —

Мы уже говорили об этом ярком образе, а вот Бёрнс всегда пылает. Его душа была святилищем, в котором царила прекрасная женщина; и каждая его строка пронизана поклонением ей.

– Я прочитала только несколько произведений Бёрнса, но с большим удовольствием, – успела произнести Шарлотта, пока сэр Эдвард на минуту умолк. – По правде сказать, я – не настолько поэтическая натура, чтобы воспринимать творчество поэта отдельно от его биографии. Репутация Бёрнса порой мешает мне наслаждаться его стихами. Читая его строки о любви, мне часто хочется сказать: «Не верю». Мне не верится в его искренность. Как будто, он что-то случайно уловил, быстро записал и тут же позабыл.

– О! Нет, нет, что Вы! – воскликнул сэр Эдвард. – Он был чистым воплощением страсти и искренности! Конечно, ни что человеческое ему было не чуждо, но кто из нас без греха? Только псевдокритики и псевдофилософы могут пытаться найти в душе гения с возвышенными чувствами прозу жизни. Ни вы, прекрасная мисс Хейвуд, – произнес он с почтением и наигранной обреченностью, – и ни одна другая женщина никогда не сможет понять до конца чувства и страдания, которые переживает настоящий мужчина, сжигаемый страстью.

Шарлотта не знала, как реагировать на этот несколько двусмысленный комплимент для юной леди и решила, что лирики на сегодня достаточно.

– Я, откровенно говоря, далека от всего этого, – сказала она спокойно и серьезно. По моему, сегодня такая хорошая погода. И ветер, кажется, дует южный.

– О, южный ветер, счастливый ветер перемен завладел мыслями очаровательной мисс Хейвуд! – прокомментировал сэр Эдвард.

Шарлотта с грустью посмотрела на своего собеседника. «Он безнадежен», – с грустью подумала она. Теперь ей стало совершенно очевидно, почему баронет так резко приударил за ней, он хотел насолить мисс Бриртон. Шарлотта замечала, как всё это время сэр Эдвард озабочено поглядывал в ее сторону. Однако зачем надо было нести всю эту чепуху, неужели нельзя было предпринять что-то более разумное, чтобы привлечь внимание мисс Бриртон? Для Шарлотты это осталось загадкой. Ей даже стало немного жаль этого сентиментального аристократа, его душа была переполнена чувствами, а разум забит всеми этими новомодными словами. Возможно, у него ясный ум, рассуждала Шарлотта, но речь похожа на плохо заученный урок. Интересно, что же он предпримет дальше?

Сэр Эдвард предложил ей продолжить общение в библиотеке, но Шарлотта почувствовала, что общения с ним ей уже вполне хватило в это утро, и она с радостью приняла приглашение леди Денхэм остаться с ней на Террасе. Сэр Эдвард покидал их с тоской во взгляде и показным отчаянием. А когда разошлись все остальные, леди решили вдвоем пройтись по модному бульвару.

Леди Денхэм, как и подобает настоящей леди, говорила только о себе, а Шарлотта с удовольствием слушала ее и мысленно сравнивала простоватую тетю и ее утонченного племянника. На этот раз тетя показалась ей более приятной собеседницей, хотя и не такой утомительно красноречивой, как ее близкий родственник. Леди по-свойски ухватила Шарлотту за руку, уверенная, что даже такое проявление внимания с ее стороны для девушки из Веллингтона – великая честь. Она лукаво посмотрела на Шарлотту и сказала с видом хитрой прозорливости:

– Мисс Истер опять напрашивалась ко мне в Сэндитон-Хаузе, хочет чтобы я пригласила ее и брата погостить у меня недельку, как это было год назад. Но я не хочу. Она старалась перехитрить меня любым способом, льстила и угождала. Но я-то видела, что ей надо. Я вижу ее насквозь. Меня не так легко провести, милочка.

Шарлотта не нашла ничего более безобидного, чем задать простой вопрос:

– Сэр Эдвард и мисс Денхэм?

– Да, моя дорогая. Моя молодежь, как я иногда называю их, потому что воспитывала их с самого детства. Прошлым летом я взяла их к себе на неделю, примерно в это время, с понедельника до понедельника, и как они были восхищены и благодарны мне! Они славные ребята, милочка. Не подумайте, что я с ними возжусь из уважения к покойному сэру Гарри. Нет, нет. Они сами завоевали моё расположение, ведь я не такая женщина, чтобы помогать абы кому. Если я не пойму до конца, с кем имею дело и не просчитаю, во сколько мне это обойдется, я палец о палец не ударю. Думаю, что за всю жизнь меня не удалось обмануть никому, к тому же, я дважды удачно была замужем. Мой бедный, милый сэр Гарри, от нашего брака он рассчитывал получить немного больше, чем я, это, конечно, строго между нами, – сказала пожилая дама, глубоко вздохнув, – но теперь он в мире ином. А о покойниках, как говорится, либо ничего, либо хорошо. Так вот, никто не мог быть счастливее нас. Он был очень честный и благородный человек, настоящий джентльмен из древнего рода. Когда он умер, я отдала сэру Эдварду его золотые часы.

Сказав это, пожилая леди выразительно посмотрела на Шарлотту, очевидно, рассчитывая произвести на нее сильное впечатление, но, не заметив на ее лице Шарлотты восхищения, тут же добавила:

– А ведь он не завещал эти часы своему племяннику, дорогуша. Их даже не было в завещании. Гарри как-то вскользь упомянул, что хотел бы подарить их племяннику, но вскоре об этом забыл. Так что этот был мой подарок от всего сердца.

– Да, это поистине широкий жест с вашей стороны! Очень великодушно! – произнесла Шарлотта, чтобы не огорчать своим невниманием знатную даму.

– Да, моя дорогая, я делаю всё, что могу для моего племянника сэра Эдварда. Этот бедный молодой человек так нуждается в моей поддержке. У нас доверительные отношения, хотя, казалось бы, всё должно было быть наоборот: ведь я престарелая вдова, а он мой наследник. Конфликт не минуем, но это не о нас. Я не получаю ни шиллинга с имени Денхэма. Сэр Эдвард не платит мне ни пенса. Я не нахожусь в материальной зависимости от него, поверьте мне. И все же именно я помогаю ему.

– Не могу не согласиться! Он обаятельный молодой человек, весьма приятный в общении. – Шарлотта произнесла эти стандартные фразы, главным образом, для поддержания разговора. Но тут же заметила, что леди Денхэм нахмурилась и внимательно посмотрела ей в глаза:

– Да, да, он очень обаятельный молодой человек. И я надеюсь, что внимание на него обратит какая-нибудь леди с большим состоянием. Сэр Эдвард должен жениться только на деньгах. Мы с ним часто говорим об этом. Такой видный молодой парень может позволить себе слоняться без дела и ухаживать за хорошенькими девушками, но он точно знает, что придет время и он женится на деньгах. Ведь он не глуп и безнадёжен, как может иногда показаться.

– Сэр Эдвард, – сказала Шарлотта, – с его внешностью и умом может получить в жены любую состоятельную женщину, которая ему понравится.

Пожилая леди перестала хмуриться и, успокоившись, продолжала:

– Приятно общаться с такой разумной молодой леди, – довольно сказала она, – Моя заветная мечта подыскать на нашем курорте для племянника богатую наследницу. Но это так непросто даже в нашем популярном Сэндитоне. Аристократические семейства приезжают к нам друг за другом, но, насколько я в курсе, лишь одно из сотни владеет достойной вниманием собственностью, имеет солидные земельные участки или сбережения в ценных бумагах. Доход и собственность – это ведь не одно и то же. Священники, столичные адвокаты, офицеры с маленьким жалованьем, вдовы – вот кто приезжает в наш Сэндитон сегодня, но лично для меня от них нет толку, разве что займут пустующий дом. А вот, если мне удастся заполучить где-нибудь молодую наследницу и устроить ее у себя для ее же здоровья. Я сделала бы всё, чтобы ее вылечить, сама бы приносила молоко ослицы, если бы ей его прописали, а поправившись, наследница обязательно бы влюбилась в сэра Эдварда!

– Это было бы действительно большой удачей для всех.

– А мисс Истер, тоже должна выйти замуж по расчету, за какого-нибудь состоятельного человека. Ведь юных леди, не имеющих денег, очень часто жалеют богатые мужчины! Однако, – молвила она после небольшой паузы, – если мисс Истер надеется уговорить меня пригласить их, и поселить в Сэндитон-Хаузе, то она ошибается. Мои намерения изменились. Теперь со мной мисс Клара и это сильно меняет дело.

Она произнесла это так жестко и серьезно, что Шарлотта сразу поняла, что леди чего-то недоговаривает и надеялась услышать объяснения, но леди Денхэм быстро сменила тему:

– Я не люблю, когда мой дом превращают в гостиницу. Мне не нравится, что две мои горничные тратят все свое время по утрам на уборку спален. Каждый день им приходится убирать комнату мисс Клары и мою. А если у них прибавится работы, то им придется прибавлять и жалованье.

Шарлотта не знала, что ответить подозрительной старой даме и решила в знак согласия деликатно промолчать.

А леди Денхэм добавила с иронией:

– Кроме того, поселив племянников у себя, я нанесу ущерб Сэндитону. Здесь полно пустых домов – по три на каждой Террасе. Даже сейчас из своего окна я каждый день вижу три объявления о сдаче домов: номер три, четыре и восемь. Угловой дом номер восемь, пожалуй, великоват для них, но любой из двух других – в самый раз. Небольшой, опрятный и уютный коттедж – то, что нужно для молодого джентльмена и его сестры, которые так страстно хотят жить у моря. Итак, моя милочка, если мисс Истер еще раз заведет разговор о том, что в Денхэм-Парке промозгло и сыро, а на море – тепло и солнечно, то я посоветую им приехать сюда и снять один из этих домиков на пару недель. По-моему, мисс Хейвуд, вполне разумное решение? Как говорится, своя рубашка ближе к телу.

Шарлотта была потрясена двуличностью леди Денхэм. Она старалась вежливо молчать и слушать, но едва сдерживала негодование, которое нарастало в ее душе. Сначала высказывания старой леди казались ей забавными, и она боялась рассмеяться после очередного бесхитростного откровения местной аристократки, но потом ей стало ясно, что старая дама не так остроумна и безобидна, как могло показаться. Чтобы не сорваться и не испортить отношения с пожилой леди в первый же день Шарлотта делала вид, что по-прежнему слушает ее, но на самом деле погрузилась в свои размышления:

«Она страшный человек, – вдруг отчетливо поняла Шарлотта. Подлый и непредсказуемый. Не ожидала ничего подобного. Мистер Паркер, оказывается, охарактеризовал ее слишком мягко. Не стоит полагаться на его мнение о людях, он слишком добродушен, чтобы разбираться в них. Я во всем разберусь сама, так будет лучше.

Как мистер Паркер вообще может иметь с ней дело? У них нет ничего общего, кроме желания заняться спекуляцией. Но у нее слишком подлая сущность. Бедная мисс Бриттон! Леди Денхэм делает всех вокруг себя такими же подлыми и низкими. Этот бедный сэр Эдвард и его сестра, долго ли под таким влиянием они смогут оставаться порядочными людьми – рано или поздно они будут вынуждены стать подлецами, унижаясь перед ней. И я тоже начинаю вести себя подло и гадко, общаясь с ней. Мне кажется, что я уже становлюсь похожей на нее. Это невыносимо, когда богатые люди настолько алчны и беспринципны».

Леди Денхэм продолжала вещать, Шарлотта молчать, и две дамы, пожилая и юная, по-прежнему чинно прогуливаясь по аллее до тех пор, пока к ним не присоединились их старые знакомые. Дружеская компания вышла из библиотеки, вслед за ними на пороге появился молодой Уитби с пятью увесистыми томами в руках, он торопливо понес книги в экипаж сэра Эдварда, а сам сэр Эдвард напрямик направился к Шарлотте.

– Вы не поверите, мы всё это время выбирали книги для моей сестры. У нас много свободного времени, и мы любим почитать в тишине. Честно говоря, я, как требовательный, вдум-

чивый читатель с недоверием отношусь к тому ширпотребу, которым переполнены наши публичные библиотеки. Что касается романов, Вы никогда не услышите от меня ни слова в защиту той бесполезной эманации, не содержащей ничего кроме противоречивых принципов, которые невозможно амальгамировать, или безвкусицы в изложении хитросплетений обычных явлений и происшествий, из которых невозможно извлечь каких-либо стоящих дедукций. Совершенно напрасно пытаться пропустить их через литературный дистиллятор, поскольку в результате не получим ничего того, что могло бы обогатить науку. Я убежден, что вы понимаете меня. Не так ли?

– Не вполне уверена, что понимаю вас полностью, – с улыбкой ответила Шарлотта. – Но если вы скажите, какие романы Вам интересны, мне многое станет гораздо понятнее.

– С большим удовольствием, дорогая мисс Хейвуд. Мне интересны романы, в которых человеческая натура предстает во всем своем первозданном великолепии, а высокое чувство созревает как запретный плод в райском саду от нежного цветка до страстного искушения, перед ним меркнет разум и остается только непреодолимый порыв любви. Мне нравятся романы, в которых есть настоящие женщины, способные разжечь в душе мужчины неугасимое пламя, и сильные мужчины, готовые ради страсти пожертвовать всем. Такие романы я читаю не только с невероятным наслаждением, но и для самосовершенствования. В таких произведениях всегда есть место высоким чувствам, сильным личностям и подвигу во имя любви. И даже если наш герой потерпел фиаско в конце романа, в жизни, он остается для нас примером и наши сердца замирают от сочувствия. Я предпочитаю романы, которые поднимают нас над обыденностью и не оскорбляют чувств и взглядов опытного мужчины, который внимательно читает их.

– Если я понимаю вас правильно, – заметила Шарлотта, – наши вкусы относительно романов сильно расходятся.

В этот момент они вынуждены были расстаться – мисс Денхэм слишком устала от их интеллектуального общения.

Сэр Эдвард учтиво предложил тетушке руку, и взялся проводить ее домой. Теперь он показался Шарлотте не романтической, а романтической натурой. Представления молодого баронета о жизни сложились под влиянием сентиментальных романов, которые он читал запоем в своем родном именье. Чувственные и интригующие вещи Ричардсона стали его настольными книгами и даже учебными пособиями. Повзрослев он перечитал, пожалуй, всех авторов, подражавших его кумиру, и пришел к выводу, что истинный мужчина, как герой Ричардсона, должен настойчиво добиваться взаимности от женщины, в которую пылко влюблен, и если потребуется, преследовать ее, пренебрегая моралью и взаимными чувствами.

Ему стали симпатичны эти придуманные злодеи, с их невероятной, как ему казалось, духовной мощью, изворотливостью и суровой роковой красотой. Они стали для юного аристократа воплощением гениальности и образцом для подражания. Он всегда страстно желал удачи своему герою, искренне сочувствовал при его поражениях и горевал, если его попытки добиться любимой оказывались безуспешными.

Впрочем, нельзя сказать, что сэр Эдвард читал только любовные романы, к сожалению, он читал все подряд: очерки, письма, путевые заметки и критические статьи на злобу дня, но всё, что ни попадалось ему на глаза; и всё, что он читал, воспринимал в свете своих изощренных идей и делал далеко идущие выводы, о которых сами авторы даже не подозревали.

В итоге, у сэра Эдварда появилась довольно забавная цель в жизни – стать коварным обольстителем. И он был уверен, что уже в шаге от воплощения своей мечты. С такими-то внешними данными, которыми наградила его природа, и с таким умом он непременно станет грозой всех женщин, кем-то вроде полуночного ловеласа. И даже само его имя, загадочно звучащее – сэр Эдвард – превратится в отмычку к непорочным женским сердцам.

Не пропустить мимо ни одной хорошенькой девушки, быть с каждой подчеркнуто галантным и внимательным, не скупиться на комплименты – такое железное правило установил для себя начинающий обольститель. Мисс Хейвуд, в его понимании, относилась как раз к этой категории «хорошеньких девушек» и поэтому могла смело рассчитывать на внимание баронета, но не более. С Кларой Бриртон дело обстояло иначе, сэр Эдвард твердо решил соблазнить ее. Сама судьба толкала ее в объятия искусителя, и он не мог этим не воспользоваться. Молоденькая, неопытная, красивая и, самое главное, бесприданница, она была идеальной добычей для сэра Эдварда. А когда он понял, что Клара – его главная соперница в борьбе за тетушкины деньги, то ее бесчестье стало вопросом времени. Но проницательная мисс Бриртон вовсе не хотела быть соблазненной. Сначала она деликатно отвергала его ухаживания, потом стала более решительной и строгой, но напрасно, сэр Эдвард был непреклонен. Он давно уже решил для себя, что если его ухаживания так и не покорят Клару, то он ее просто похитит. Он знал, что делал. Идея с похищением привлекала его всё больше. Он мечтал не только украсть девушку, но и переплюнуть всех тех, кто похищал красавиц до него. Авантюра с пикантной изюминкой должна была закончиться где-нибудь в соседнем городке Тимбукту, где баронет мечтал снять маленький домик на берегу для своей пленницы.

Как жаль, но домик стоит денег! Тогда сэр Эдвард решил не увозить Клару на край света. А соблазнить ее где-нибудь поблизости от Сэндитона, в любом случае последствия для нее были бы роковыми.

Глава 8

Спустя несколько дней после приезда, около полудня Шарлотта не спеша поднималась на бульвар с пляжа, где она пробыла два с лишним часа. Утомленная зноем и чрезвычайно полезным соленым бризом, который в этот день неутомимо налетал порывами со стороны моря, она вдруг заметила на Террасе оживление. Роскошный экипаж, запряженный бодрыми почтовыми лошадьми, красовался у престижной гостиницы, лакеи торопливо выгружали многочисленный багаж. «Наверное, какое-то благородное семейство решило надолго поселиться в Сэндитоне», – подумала Шарлотта. Ей захотелось поскорее обрадовать мистера и миссис Паркер, возможно, это те самые солидные постояльцы, о которых писала его сестра Диана.

Забыв об усталости, Шарлотта поспешила в Трафальгар-Хауз, там давно ждали этих добрых вестей. Легко преодолев крутой подъем на холм, она вышла на лужайку перед особняком Паркеров, и вдруг заметила, что следом за ней не менее бодро идет молодая женщина, которую Шарлотта никогда раньше не встречала. Незнакомка, судя по всему, тоже направлялась к Паркерам. Шарлотта ускорила шаг, стараясь опередить эту женщину и первой войти в дом, чтобы избежать неловкой встречи на пороге. Но незнакомая дама проворно догоняла ее. Шарлотта на цыпочках взлетела по лестнице и торопливо позвонила, но ей открыли не сразу. Когда, наконец, в дверях появился нерасторопный слуга, обе незнакомые друг с другом женщины стояли рядом на пороге особняка.

«Ну, здравствуй, Морган. Как поживаешь?» – по-свойски обратилась к слуге незнакомка. Слуга удивленно взглянул на нее. По его взгляду нетрудно было догадаться, что он не ожидал увидеть эту женщину здесь и сейчас. Слуга проводил обеих дам в гостиную, где их радушно встретил мистер Паркер. Он заметил гостью из окна и сразу поспешил ей навстречу. Незнакомка оказалась одной из его сестер, той самой мисс Дианой, которая на днях прислала письмо о том, что не приедет на курорт. Ее внезапное появление стало для обитателей Трафальгар-Хауза полной неожиданностью, но без сомнения приятной. Как ты доехала? С кем? Как тебе удается так прекрасно выглядеть после утомительной дороги? Разумеется, ты остановишься у нас? Все эти вопросы, почти как неутомимый утренний бриз на морском берегу, обрушились на Диану. Но прежде чем, она успела на них ответить, их с Шарлоттой, наконец-то представили друг другу.

Мисс Диане Паркер было тридцать четыре года. Миловидная и энергичная, с выразительными лучистыми глазами, она выглядела скорее изящной и подтянутой, чем изможденной и болезненной. Непринужденная манера общения особенно роднила ее с братом, но сестра казалась более решительной и волевой.

Она сразу же поблагодарила брата за приглашение остановиться у него в Трафальгар-Хаузе, но твердо сказала, что жить они будут в гостинице.

– Мы не хотим Вас стеснять никаким образом, ведь мы прибыли в Сэндитон втроем и хотим здесь задержаться на какое-то время.

– Вы приехали все трое? – удивленно переспросил мистер Паркер. – И Сьюзен и Артур? Сьюзен тоже смогла приехать? Замечательно!

– Да, мы действительно приехали все вместе. У нас просто не было выбора. Но об этом потом. А сейчас, моя милая Мэри, пошли, пожалуйста, служанку за детьми – я так соскучилась за ними!

– А как Сьюзен перенесла дорогу? Как Артур? И почему ты пришла одна, без них? – не унимался взволнованный неожиданной встречей мистер Паркер.

– Не беспокойся, наша Сьюзен прекрасно перенесла дорогу. Правда, она двое суток не спала, ни в первую ночь, когда мы выехали к вам, ни в последнюю – уже в Чичестере. Поэтому я сильно волновалась за нее. Но сестра держалась молодцом – ни одного нервного срыва, ну,

разве что несколько трогательных слезинок, когда мы увидели наш старый добрый Сэндитон. Когда мы подъехали к отелю, страсти в ее ранимой душе уже улеглись, но мы, на всякий случай, вынесли нашу утомленную сестрицу на руках из экипажа (спасибо мистеру Вудкоку) и доставили в апартаменты. Но наши предосторожности были напрасными. Я еще не успела отправиться к вам, как Сьюзен уже пришла в себя, бойко руководила разгрузкой багажа и помогала старому Сэму отвязывать дорожные сундуки. Она просила передать от нее привет и извинения за то, что лично не смогла сразу навестить вас из-за проблем со здоровьем. Что же касается Артура? Ему помешал прийти сильный ветер, который сегодня так упрямо дует с моря. Я сомневаюсь, что он дошел бы до Вашего имения по такой погоде. Поэтому я придумала ему другое достойное занятие – он подыскивает для нас жилье на Террасе. Мисс Хейвуд, должно быть, видела наш экипаж, стоящий у гостиницы. Кстати, я сразу Вас узнала, мисс Хейвуд, как только увидела вдалеке на холме. Мой милый Том, я так рада, что ты снова на ногах! Дай-ка, я посмотрю на твою рану. Да, тут все в порядке и следа не осталась. Связки и кости целы, и это главное. А теперь я расскажу, почему мы так внезапно решили приехать на побережье. Помнишь, я писала тебе о двух потенциальных клиентах – состоятельных семьях, из Вест-Индии и из Академии для девочек.

При этих почти магических словах мистер Паркер оживился, пододвинул свой стул поближе к сестре и снова взял ее за руку с большой нежностью.

– Ах, ты такая хлопотунья!

– Конечно, не зря говорят, что лучшее – враг хорошего, но вест-индийцы, – продолжала Диана, – мне кажется, лучший вариант из двух найденных нами и заслуживают большего внимания. Я имею в виду, миссис Гриффитс и ее славное семейство. Я не знакома с ними лично, с ними общаются подруги моих подруг. Но им я доверяю, как себе. Помнишь, я как-то упоминала некую мисс Кэппер, близкую подругу моей лучшей подруги Фанни Нойс. Так вот, мисс Кэппер состоит в тесной дружбе с миссис Дарлинг, а та переписывается уже с самой миссис Гриффитс. Как видишь, мир тесен. Так вот, миссис Гриффитс очень хотела вывезти к морю своих детей, ей приглянулся Сассекс, но в какое именно местечко лучше поехать, она пока не решила. Знаю одно, ей хочется моря и покоя. За советом леди обратилась к своей приятельнице миссис Дарлинг. И надо же такому случится, когда миссис Дарлинг получила это письмо у нее в костях была мисс Каппер и они вместе обсудили, как помочь миссис Гриффитс. В тот же день они отправили письмо к Фанни Нойс, где подробно описали возникшую проблему, а энергичная Фанни, ну, ты ее знаешь, сразу же взялась за перо и описала мне все обстоятельства этого деликатного дела, правда, сначала без имен, они стали известны позже. Мне оставалось предпринять только один решающий шаг. Я тут же ответила моей Фанни и посоветовала ей рекомендовать дамам Сэндитон. Правда, Фанни переживала, найдется ли в Сэндитоне подходящий особняк для такого многочисленного семейства. Впрочем, это уже детали. Суть в том, что миссис Дарлинг действительно рекомендовала Сэндитон, и вест-индийцы заинтересовались нашим курортом. Так обстояло дело, когда я писала тебе письмо. Два дня назад, точнее позавчера, я снова получила письмо от мисс Каппер, которая получила письмо от миссис Дарлинг. Увы, миссис Гриффитс, кажется, передумала ехать в Сэндитон. Я ясно все изложила? Ты знаешь, я всегда говорю правду в глаза.

– О, да, абсолютно ясно. Ну и что же дальше?

– Миссис Гриффитс смутило отсутствие личных связей в Сэндитоне. Ей не у кого лично разузнать, как ее примут на курорте, точнее, ее волнует не столько собственный комфорт, сколько достойные условия проживания для ее дочерей, впрочем, дело даже не в ее дочерях, а скорее в некой юной леди мисс Лэмб. Кажется, это ее родная племянница. Надо же такому случиться, у этой мисс Лэмб огромное состояние, но очень слабое здоровье. Судя по всему, как и у ее тети миссис Гриффитс. Чего ж мы хотим, Вест-Индия сумасшедшие деньги и такая же безумная жара весь год, какое уж тут будет здоровье. Но вернемся к главному. Я расстрои-

лась, что влиятельное семейство внезапно изменило свои планы и стал думать, как привлечь их в наш Сэндитон. Сначала я хотела, чтобы ты или же мисс Уитби сами пригласили вест-индийцев. Но ты меня знаешь, я не люблю перекладывать свои заботы на плечи других, и все делаю сама. Тем более в этом случае, я должна была лично посодействовать этим несчастным больным людям из Вест-Индии. И тогда у меня возникла одна интересная идея – лично встретить и разместить их у нас в Сэндитоне. Сначала я поделилась ей со Сьюзен. Такая же мысль, оказывается, была и у нее. Артур тоже нас поддержал. В общем, вчера мы все вместе немедленно выехали на побережье, мчались без остановок, уже сегодня оставили позади Чичестер – и вот мы здесь.

– Прекрасно! Прекрасно! – обрадовался мистер Паркер. – Диана, только ты можешь так бескорыстно служить своим друзьям, да и всем людям на свете. Я горжусь тобой. Мэри, любовь моя, разве Ди – не удивительное создание? Потрясающе! А теперь скажи, какой дом, по-твоему, подойдет для них? У них очень большая семья?

– Чего не знаю, того не знаю, – ответила сестра, – не имею ни малейшего представления. Но думаю, мы не ошибемся, если предложим им самый большой дом в Сэндитоне, а лучше сразу два. А пока я сниму один на неделю.

Мисс Хейвуд, я удивляю Вас? Вы, похоже, не знаете, что и думать обо мне. Я вижу это по Вашим глазам. Моя энергичность вывела Вас из томного равновесия?

«Какая приторная услужливость и никому не нужная активность!» – подумала немного рассерженная Шарлотта. Но вслух ответила вполне вежливо:

– Я в самом деле потрясена Вашей энергией, огромной силой воли и удивительным терпением, – сказала она, – ведь это дело требует столько сил, а у Вас сестрой, как мне сказали, не всё в порядке со здоровьем.

– Да, у нас, действительно, не всё в порядке со здоровьем. Во всей старой доброй Англии, если хорошенько поискать, таких, как мы не найдется и трех человек. Но моя дорогая мисс Хейвуд, мы посланы в этот мир, чтобы помогать ближнему своему, не жалея живота своего. Когда человек наделен свыше сильным духом, разве может слабое тело служить оправданием его бездеятельности. Наш мир, в основном, состоит из сильных духом и слабых; из тех, кто может действовать и кто не может; а тот, кто способен к действию просто не имеет морального права сидеть сложа руки. Мы с сестрой, каюсь, иногда немного капризничаем и жалуемся на здоровье, но наши болезни не смертельны. И пока живы, мы будем трудиться в поте лица на благо других. Тем более, когда совесть чиста, сразу становится легко на душе, да и на сердце тоже, говорю об этом не понаслышке. Вот, например, пока мы ехали сюда, я ясно видела перед собою благую цель и чувствовала себя великолепно!

В этот момент в гостиную вошли дети, мисс Диана со свойственными ей энтузиазмом и проворностью устремилась к ним; умиленно пообщавшись со старшими и потискав малышку Мэри, она собралась было уходить.

– Диана, пожалуйста, не уходите. Пообедайте вместе с нами! – Паркеры наперебой принялись уговаривать ее остаться. Но Диана, как всегда, была непреклонна:

– Нет, нет и нет, не сегодня – отвечала она.

– Послушай, дорогая сестра, когда же теперь мы вновь тебя увидим? Может, мы тоже сможем хоть чем-то быть полезными тебе? Хочешь, я помогу с арендой дома для миссис Гриффитс? – предложил мистер Паркер. – Сейчас мы пообедаем, а потом я приду к вам и мы вместе сможем решить все вопросы по оформлению аренды? – осторожно произнес он, надеясь, не получить сразу решительный отказ целеустремленной сестры.

– Нет, дорогой Том, когда речь идет о моих делах, ты не должен делать ни шагу, тем более с больной ногой, – вспыхнула мисс Диана. – По тому, как ты ставишь свою поврежденную ногу, я вижу, что ты ее уже перетрудил. Нет, нет, этим делом я займусь сама и немедленно! Мы заказали обед в гостинице, он будет готов не раньше шести часов. Сейчас половина четвертого, у

меня в запасе еще два с половиной часа, чтобы уладить все формальности по аренде дома. Но, увы, дорогой брат, сегодня мы с тобой, наверное, уже не увидимся, так как я буду занята. А вот Сьюзен и Артур весь вечер будут в гостинице и уж точно обрадуются твоему приходу. Сейчас я, кстати, узнаю, что подыскал для нас Артур. Честно говоря, я не думаю, что он самостоятельно всё решит, но ему приятно выполнить это поручение, так что пусть занимается. А мне придется, как всегда, ему помогать, ведь мы хотели разместиться в новом доме завтра с утра.

– По-моему, ты совсем себя не жалеешь, – вздохнул мистер Паркер. – Ты опять всё взвалила на себя, смотри не надорвись, моя дорогая. Старайся больше отдыхать, хотя бы после обеда.

– Это верно, – не удержалась миссис Паркер, которая всё это время деликатно молчала. – Обед для вашей породы – одно название. Уж я-то знаю, какой у вас аппетит – бесконечная диета.

– Что Вы, сейчас у меня прекрасный аппетит, я даже сама себе готовлю, отвариваю немного миндаля и, поверьте, он творит настоящие чудеса. Бедняжка Сьюзен, та вообще ничего не кушает. А сейчас мне пора, не уговаривайте меня остаться на обед, я совершенно не голодна и ничего не хочу. Тем более после длительной поездки я, как обычно, неделю ничего не ем. Что касается Артура, то он наоборот – равнодушен к еде, и мы постоянно следим, чтобы он не передал, ведь это так вредно.

– Однако Вы ничего не рассказали мне о другом семействе, прибывающем в Сэндитон – напомнила миссис Паркер, когда Диана была уже у дверей. – Нам готовится к приезду воспитанниц из Кэмбервельской семинарии?

– О, конечно. Нет сомнений. Я просто позабыла о них сейчас. Три дня тому назад я получила письмо от моей подруги, миссис Дюпьи, которая как раз писала мне об их приезде. Они, несомненно, очень скоро будут здесь. Та милая дама из Кембервела – не помню ее имени – не столь богата и независима, как миссис Гриффитс, и она подыщет себе дом на побережье сама.

Сейчас я расскажу, как мы узнали о ней. Миссис Дюпьи проживает по соседству с некоей леди, родственник которой недавно поселился в Клэпхеме. Он преподает риторику и литературу в той самой семинарии для девочек. Я попросила Сиднея и он через одного из своих друзей рекомендовал им Сэндитон. Мне даже не пришлось встречаться с ними, миссис Дюпьи устроила все сама.

Глава 9

Прошло всего несколько дней, как мисс Диана Паркер в письме сообщила брату, что ни за что не приедет на побережье, так как морской воздух окончательно погубит ее, и вот она уже в Сэндитоне, бодр и активна, и даже подумывает задержаться на курорте. Всё это напоминало бы очередное чудесное исцеление в неутомном семействе Паркеров, если бы ни одно но. Похоже, сестры Паркер были практически здоровы. Шарлотта считала, что всех без исключения Паркеров природа наградила завидным здоровьем, правда, в придачу к нему они получили еще и богатую фантазию.

В итоге необъяснимые недуги и внезапные выздоровления стали прекрасным способом скоротать время и найти применение своим творческим способностям. В том, что все без исключения Паркеры обладали богатым воображением и страстными чувствами, у Шарлотты не было никаких сомнений. Правда, каждый из них распорядился ими по-своему: старший брат – предприимчивый Том Паркер, пожалуй, разумнее остальных – он вложил всю свою энергию в продвижение проектов, в том числе и бесперспективных; а его сестры никак не могли сосредоточиться на чем-то одном, поэтому периодически сами создавали себе трудности, которые с успехом преодолевали, и в оставшееся время старались заботиться о своих ближних. Когда незамужние сестры не находили себе никакого применения, то они в буквальном смысле заболели. Поэтому у окружающих нередко складывалось впечатление, что они, либо чрезвычайно заняты, либо неизлечимо больны.

Природная худощавость сестер и их пагубная тяга к оздоровлению любыми способами, в том числе и шарлатанскими, в итоге действительно привели к появлению у них кое-каких незначительных заболеваний; все остальные их недуги были лишь оригинальным способом самовыражения. Так они воплощали свою тягу к оригинальности и всегда с удовольствием оказывались в центре внимания. В общем-то, они были милые дамы, добросердечные и заботливые, но их надуманные хвори и неутолимая жажда деятельности, затмевали многочисленные достоинства. И от этого сестры как будто стремились еще больше продемонстрировать свои заслуги, доказать всем сомневающимся, что они делают гораздо больше других и все их благие деяния и помыслы в конечном счете пронизывал холодок тщеславия.

Тем временем мистер и миссис Паркер весь вечер провели в гостинице у родственников. Шарлотта осталась в именье и несколько раз видела из окна, как мисс Диана суетится в поисках дома для влиятельной дамы. Застать очень занятых Паркеров всех вместе Шарлотте посчастливилось лишь на следующий день, когда младшие сестры и Артур перебрались в уютный домик с видом на море и сообразовали пригласить всех, в том числе и Шарлотту, на чашку чая.

В опрятном особняке на Террасе в этот вечер разожгли камин и раздвинули тяжелые шторы на окнах, чтобы все собравшиеся в маленькой гостиной могли любоваться закатом над морем. Правда, новые хозяйки дома так и решились распахнуть окна навстречу морскому бризу, очевидно, опасаясь сквозняков, а всю мебель, диван, стол и кресла перенесли поближе к огню, который ярко пылал в камине.

У огня задумчиво сидела мисс Сьюзен Паркер, она когда-то запомнилась впечатлительной Шарлотте тем, что решила удалить сразу три зуба. Девушка подошла к ней с почтительным сочувствием и отметила про себя, что, обе сестры похожи между собой. Правда, Сьюзен выглядела чуть хуже Дианы: нездоровая худоба, усталые глаза, бледная кожа, но при этом у нее были тонкие черты лица, приятный негромкий голос, который в этот вечер, казалось, не утихал ни на минуту. Сьюзен, как и Диана, всё время говорила о том, о сем, иногда жестикую рукой, в которой она держала изящный пузырек с нюхательной солью. Несколько раз за вечер Сьюзен наливала себе капли из разных склянок, приготовленных на камине, печально

проглатывала их и подолгу морщилась. Шарлотта так и не смогла определить симптомов ее болезни, но была уверена, что вылечила бы ее в два счета, погасив камин, распахнув окна и выбросив соль и микстуры подальше – в окно или уж лучше сразу в камин.

Еще больше, чем три зуба несчастной Сьюзен, изумил Шарлотту Артур Паркер. Она приготовилась увидеть самого младшего брата и, как ей казалось, наверное, самого хилого и болезненного отпрыска этого семейства. Но Артур был таким же высоким и крепким, как его старший брат, и даже немного плотнее его, про таких говорят, кровь с молоком, но уж никак не инвалид, о чем неустанно твердила его сестра Диана.

Диана, бесспорно, была главой семейства – его движущей силой и идейным вдохновителем. Самая деятельная и проворная из всех троих, в это утро она чуть свет уже была на ногах, хлопоча об интересах незнакомой ей миссис Гриффитс и, конечно же, о своих собственных. Сьюзен только неспешно руководила окончательным переездом из гостиницы и сама терпеливо несла две огромные коробки в арендованный Дианой дом. А Артур, проснувшись, решил, что сегодня на улице слишком свежо и для всех будет лучше, если он не простынет. Чтобы не замерзнуть и, не дай Бог, не заболеть, он быстро перебежал из гостиницы в новый дом, уселся поближе к камину и просидел у огня до вечера, пока окончательно не перегрелся.

Диана жаловалась гостям, что немного устала. По ее словам, за семь часов она ни разу не присела. Но результаты ее нелегкого труда, как и любая работа по дому, были не слишком заметны окружающим, но зато грели ей душу. Только Диана знала, сколько мелких проблем и недоразумений она утрясла за этот суматошный день. Но самое главное она сняла для миссис Гриффитс подходящий дом за восемь гиней в неделю, а также провела многочисленные переговоры с прислугой: поварами, горничными, прачками и банщиками. Так что уважаемой миссис Гриффитс оставалось только приехать, раздать последние указания и наслаждаться покоем. Диане необходимо было сделать последний штрих – написать небольшое приглашение на курорт, как можно скорее передать его дорогой миссис Гриффитс и, конечно же, ждать от нее заслуженной похвалы.

По пути из дома супруги Паркер и Шарлотта увидели добрый знак – к гостинице подъезжали два новых наемных экипажа. Радостное и обнадеживающее зрелище. Остальные Паркеры тоже обратили внимание на эти кареты и могли поручиться, что их точно было не меньше двух. Может быть, это и есть Кэмбервельская семинария? Нет, нет! Если бы подъехали хотя бы три кареты, тогда да... Обсудив, все согласились, что две кареты – не смогут вместить всех воспитанниц пансиона. Поэтому мистер Паркер с гордостью за Сэндитон предположил, что это, наверняка, уже третье семейство желающих отдохнуть.

Завороженные этими добрыми предчувствиями, Паркеры, с радостью стали рассаживаться в уютной гостиной, правда, немного передвинув мебель, чтобы видеть из окон не только вечерний залив, но и центральный вход в гостиницу. Оба пейзажа доставляли им нескрываемое удовольствие. Шарлотта оказалась рядом с Артуром, нежившимся у огня. Он немедленно уступил ей свое теплое местечко, но девушка улыбнулась, покачала головой и поставила свой стул подальше от пылающего камина. Шарлота не любила духоту. Поэтому широкоплечий Артур стал для нее надежным щитом от жара камина, и она была благодарна каждому дюйму его мощной спины.

Таким же тяжелым и усталым, как фигура, у Артура был сегодня и взгляд. Но этот теплолюбивый увалень, впрочем, как и все Паркеры, не был молчуном. Пока остальные четверо родственников оживленно переговаривались между собой, он решил уделить внимание сидящей рядом с ним миловидной юной леди, тем самым, совместить приятное с полезным, удовольствие от общения и гостеприимство. Том Паркер с удовольствием наблюдал, как младший брат, забыв об усталости, приосанился в обществе Шарлотты и немного смущенный ее юностью и очарованием пробормотал что-то вроде извинений за этот страстно пылающий камин.

– Мы редко топим камин дома, да и я не сторонник перегрева, – сказал Артур, – но здесь на море такая влажность. А я не выношу сырости.

– Я проще смотрю на это, – ответила Шарлотта, – наверное, потому что, я никогда не задумываюсь над тем, сырой сегодня воздух или сухой, главное, чтобы был свежий, тогда он всегда бодрит меня.

– Я тоже любитель свежего воздуха, – произнес Артур. – Обожаю дышать полной грудью у распахнутого настежь окна особенно здесь, на море, но слежу, чтобы не было сквозняка. Но к несчастью, влажный морской воздух не отвечает мне взаимностью. От сырости у меня обостряется ревматизм. Вы не ревматик, я надеюсь?

– Нет-нет.

– Это уже неплохо. Но, может быть, у вас тогда хотя бы не в порядке нервы?

– Нет. Думаю, с нервами у меня всё в порядке. По правде сказать, я даже не задумывалась раньше об этом.

– А я очень нервный. Честно говоря, по-моему, у меня все болезни от нервов. Мои сестры считают меня раздражительным, но я думаю, они преувеличивают.

– Думаю да, Ваши сомнения вполне оправданы.

– Если бы я был по-настоящему раздражителен, – продолжал он, – то на меня плохо бы влияло вино, а оно всегда действует на меня умиротворяюще. Чем больше я пью вина, конечно не злоупотребляя, тем лучше себя чувствую. Поэтому к вечеру я всегда в отличном настроении. Если бы видели меня сегодня до обеда, то не узнали бы, настолько я был слаб и жалок.

Шарлотта в этом совершенно не усомнилась, но решила не заострять внимание и, не подавая вида, перевела разговор в другое русло:

– Говорят, нервы прекрасно укрепляет зарядка на свежем воздухе. Упражнения надо делать активно и с каждым разом дольше. Когда зарядка станет Вашей доброй привычкой. Вы забудете, что такое нервы.

– О, я сам предпочитаю занятия на воздухе, – ответил он, – и когда бываю на побережье, гуляю много и с удовольствием, конечно, если позволяет погода. Сейчас я тоже собираюсь каждое утро до завтрака совершать прогулки на бульваре, и вы сможете часто видеть меня у Трафальгар-Хауза.

– Вы считаете прогулку до Трафальгар-Хауза и обратно достаточной разминкой?

– Вы правы, расстояние между ними небольшое, но зато какой крутой холм разделяет их! Когда в полдень я поднимаюсь на эту скалу, то весь покрываюсь испариной, а на ее вершине – я уже мокрый до нитки. Я слишком склонен к потливости, а ведь это первый признак повышенной нервозности.

Разговор плавно перетекал на излюбленную тему в семействе Паркеров, Артур всё глубже погружался в рассуждения о болезнях и пытался увлечь за собою Шарлотту, она внутренне сопротивлялась, но внешне не подавала вида и отчаянно балансировала на краю этого омута скуки и пустых слов. Поднос со звонкими блестящими чашками и чайниками, появившийся в дверях гостиной, заставил Артура замолчать на полуслове и помог Шарлотте устоять на краю словесной пропасти. Нудный разговор был немедленно окончен, слуга с подносом обходил всех присутствующих и перед каждым расставлял приборы, Артур с интересом следил за его проворными руками. На подносе было столько чайников, сколько персон в компании и каждому гостю принесли отдельный живительный напиток: мисс Сьюзен пила какой-то экзотический травяной чай, а мисс Диана не менее экзотический, но уже другой сорт чая. Артур живо взял с подноса свой кофейник, и теперь всё его внимание было сосредоточено на густом дымящемся какао, он с аппетитом заливал его кипятком, тщательно размешивал изящной ложечкой и, причмокивая и что-то невнятно бормоча, подсушивал над огнем камина тонкие ломтики хлеба. Он вспомнил о своей собеседнице только тогда, когда хлеб подрумянился. Румяный и довольный Артур весьма галантно откинулся на спинку стула, давая Шарлотте понять, что он

трудился не только для себя, и тут же с важным видом предложил ей взять какао и горячую гренку. Но Шарлотта уже давно пила чай, что изумило Артура, который так увлеченно готовил угощение.

– А я думал, что успею, – вздохнул он, – какао необходимо как следует прокипятить.

– Спасибо за хлопоты, – ответила Шарлотта. – Я предпочитаю чай.

– В таком случае я буду пить свое какао сам, – ответил он. – Большая чашка некрепкого какао на ночь для меня лучшее успокоительное.

Некрепкое какао к удивлению Шарлотты медленно устремилось в чашку густой темной струей. В этот момент старшие сестры вскрикнули в один голос:

– Артур! Что ты делаешь? Каждый вечер ты завариваешь какао всё крепче и крепче!

– Ну да, сегодня получилось немного крепче, чем обычно, – застенчиво ответил он.

Сестры печально посмотрели на довольного раздурявшегося брата, увы, он совсем не был склонен к голоданию. Под их пристальным взглядом ему ничего не оставалось, как перевести разговор с крепкого какао на более полезные хрустящие гренки.

– Надеюсь, вы хотя бы попробуете эти аппетитные хлебцы, – сказал он. – В приготовлении гренок мне нет равных, они у меня никогда не подгорают. А знаете, почему? Здесь есть маленькая хитрость – ломтики хлеба надо держать подальше от огня и периодически поворачивать. Ведите, как они у меня равномерно подрумянились. Надеюсь, вы любите хрустящие гренки.

– Да, если на них намазать небольшой слой масла, – сказала Шарлотта.

– О да, но не больше, чем я намазываю обычно, – сказал он с особым удовольствием. – Я рад, что у нас схожие вкусы. Я думаю, что сухие гренки без масла очень вредны для желудка, так как травмируют его нежную слизистую. Со сливочным маслом – совсем другое дело. Минуточку, сейчас я с удовольствием намажу маслом несколько ломтиков сначала для вас, а потом и для себя. Действительно, без масла их очень вредно есть, они для желудка, как терка для мускатных орехов, но некоторых людей невозможно убедить в этом. Я рад, что Вы не из их числа.

Но как только Артур прикоснулся к масленке, то снова попал под пристальные взгляды сестер. На этот раз они упрекали его в обжорстве и сокрушались, что брата нельзя оставлять один на один с едой. Он беззлобно отбивался от натиска с двух сторон, и как мог, объяснял, что ест столько масла, сколько необходимо для слизистой его желудка, а в данный момент намазывает хлеб вовсе не для себя, а для очаровательной мисс Хейвуд. Это был отличный предлог. Он с наслаждением щедро намазывал маслом гренки для Шарлотты, которая едва сдерживалась от смеха, глядя на своего рыцаря ножа и бутерброда. Передавая мисс Хейвуд очередной золотистый ломтик, он осторожно косился на сестер и, улучив момент, быстро добавлял на свою гренку толстый слой масла, и, пока они не видят, быстро отправлял ее в рот.

Конечно, гастрономические увлечения мистера Артура Паркера существенно отличались от развлечений его сестер, они были не столь одухотворенными. Шарлотта сразу догадалась, что младший из Паркеров неплохо устроился и, когда ему выгодно, разделяет мнимую болезненность своих сестер, но лечил он только те недуги, где необходимы были усиленное питание, тепло и покой. Впрочем, кое-что он всё-таки позаимствовал у своих сестер.

– Как! – изумился он, глядя на Шарлотту. – Вы способны выпить две чашки крепкого зеленого чая за вечер? У вас должно быть стальные нервы! Как я завидую вам. Если я выпью только одну такую чашку, вы даже не можете себе представить, что со мной произойдет?

– Вероятно, вы не уснете всю ночь, – с улыбкой ответила Шарлотта, чтобы пресечь его очередную попытку произвести впечатление.

– О, если бы только это, – воскликнул он. – Зеленый чай для меня яд, через пять минут после приема этого напитка, у меня вообще отнимается правая сторона. Это звучит неверо-

ятно, но факт остается фактом. Уже несколько раз у меня немела правая сторона и всё это от какой-то маленькой чашечки зеленого чая.

– Впервые с этим сталкиваюсь, – равнодушно ответила Шарлотта, которая, казалось, уже была готова ко всему. – Но, возможно, ученые мужи, изучающие удивительные свойства зеленого чая и индивидуальные особенности человеческого организма, были бы счастливы познакомиться в таком редком экземпляром, как Вы.

После чаепития гостей ждал новый сюрприз – из гостиницы для мисс Дианы Паркер принесли письмо.

– От мисс Дюпи, – важно сказала она, – какой неразборчивый почерк, – и, пробежав глазами несколько строчек, воскликнула, – Ну и ну! Просто невероятно! Вот так совпадение! У обеих леди, которых мы ждем в Сэндитоне одинаковые фамилии. Две миссис Гриффитс! Вот это письмо с рекомендацией на леди из Кэмбервилля и ее фамилия оказывается тоже Гриффитс.

Однако, прочитав еще несколько строк, она нервно покраснела и взволнованно добавила.

– Кто бы мог подумать! И еще одна мисс Лэмб! И тоже богатая наследница – вест-индианка. Не может быть, чтобы речь шла об одних и тех же людях. Этого просто не может быть!

Чтобы успокоиться, Диана продолжала читать странное письмо вслух. Миссис Дюпи официально представляла ей подательницу этого письма миссис Гриффитс и, находящиеся на ее попечении, трех юных леди. В нем сообщалось, что миссис Гриффитс, не имевшая знакомых в Сэндитоне, хотела быть представленной местной элите и обеспечить комфортный отдых для трех своих воспитанниц, особенно ее заботила одна из них – мисс Лэмб, молодая испанка с большим состоянием и слабым здоровьем. В каждой строчке письма звучало искренне желание далекой миссис Дюпи от всей души помочь сразу двум своим приятельницам – миссис Гриффитс и мисс Диане. «Очень странно! Невероятно! Невозможно!», – то и дело раздавалось в уютной гостиной, но все собравшиеся в итоге пришли к единому мнению, что невозможное возможно и нет ничего странного в существовании двух леди с одинаковой фамилией. Ажиотаж постепенно стихал, а неутомная леди Диана, пользуясь случаем, тут же нашла себе новое занятие. Она накинула на плечи шаль и засобиравшись в гостиницу, чтобы, не откладывая, лично разобраться во всем и немедленно предложить гостям свои услуги.

Глава 10

Невозможное оказалось возможным. Как ни обнадеживали себя Паркеры, но, увы, гости из Суррея и воспитанницы из Кэмбервелла – это были одни и те же люди. Богатые вест-индийцы и юные леди из семинарии прибыли в Сэндитон в тех самых двух дилижансах, которые с таким воодушевлением сестры Паркер накануне наблюдали из окна гостиной. Миссис Гриффитс, которая, со слов подруги, миссис Дарлинг, была слаба здоровьем и долго не могла отважиться на поездку в Сэндитон, оказалась той же самой решительной и независимой миссис Гриффитс, которая сама приехала на побережье и была в состоянии, по мнению другой общей знакомой миссис Дюпьи, самостоятельно подыскать особняк у моря.

Как ни старалась дотошная и предусмотрительная мисс Диана, но избежать досадных недоразумений не удалось. Ее многочисленные услужливые приятельницы старались угодить всем, не меньше, чем она сама и сумели настолько всё запутать, что в потоке любезно-трогательных писем, похоже, позабыли, чему они были посвящены. Сначала мисс Диана испытывала неловкость из-за возникшей двусмыслицы и впервые вынуждена была признать свою ошибку.

Утомительная поездка из Гемпшира оказалась напрасной, надежды брата обманутыми, дорогой дом арендован зря – всё не могло не угнетать честолюбивую леди. Но тягостнее всего было осознание собственной недалекости. Впрочем, волевая Диана горевала недолго и быстро нашла других виновников досадного недоразумения, мысленно она осудила миссис Дарлинг, мисс Капер, Фанни Нойс, миссис Дюпьи и даже ее малознакомую соседку и уже на следующее утро бодро прогуливалась на бульваре с миссис Гриффитс и увлеченно поддерживала светскую беседу.

Миссис Гриффитс оказалась благовоспитанной дамой средних лет с изысканными манерами, которая жила тем, что содержала у себя благородных девиц и юных леди, которые нуждались либо в учителях, чтобы завершить образование, либо в приюте, либо в возможности выйти в свет. Кроме трех барышень, прибывших с ней в Сэндитон, под ее опекой находились еще несколько девушек, но они по разным причинам остались дома. Мисс Лэмб сразу привлекла всеобщее внимание. Хрупкая и юная, ей не было и семнадцати лет, она была наполовину мулаткой, но самое главное щедро платила за пансион в соответствии со своими немалыми доходами. У мисс Лэмб была личная горничная, и миссис Гриффитс, как обычно, в первую очередь руководствовалась желаниями этой воспитанницы и выделила для зябкой и хрупкой девушки лучшую комнату.

Две другие девушки были родными сестрами – мисс Бофорт, такие юные леди встречаются, по меньшей мере, в одной из трех британских семей. У них был отличный цвет лица, пышные формы, идеально прямая спина при любых обстоятельствах и самоуверенный взгляд. Они были вышколены, но не особенно образованы. Впрочем, это их не портило. Мисс Бофорт с успехом освоили науку нравиться и искусство прекрасно выглядеть при отсутствии средств, тонко чувствовали каждое модное течение и старательно подыскивали себе достойных мужей с не менее достойным доходом.

Впрочем, миссис Гриффитс на этот раз, кажется, не учла их главное стремление и привезла девушек в тихий и провинциальный Сэндитон. Где, по ее мнению, было бы более комфортно болезненной мисс Лэмб, а двум мисс Бофорт ничего не оставалось, как сложить в чемоданы по шесть новых платьев, на которые они изрядно потратились минувшей весной, и смиренно отправиться со своей опекуншей в Сэндитон, пока не наступят лучшие времена.

Здесь, одна из них взяла напрокат арфу, а другая купила альбом для рисования. Девицы решили, что должны быть экономными и элегантными одновременно, а недолгое уединение пойдет им только на пользу. Старшая мисс Бофорт – Лидия лелеяла надежду удивить местную богему своей виртуозной игрой на арфе, которую, несомненно, услышат все гуляющие по

бульвару, а младшая – мисс Литиция представляла восхищенные взгляды прохожих, которые обязательно заметят юную художницу, рисующую с натуры. В этом сезоне они твердо решили стать самыми стильными барышнями на курорте.

Личное знакомство с услужливой Дианой Паркер распахнуло для них двери лучших домов Сэндитона: Трафальгар – и Сэндитон-Хауза. Так что вскоре мисс Бофорт были вполне довольны курортным «обществом», в котором они вращались. Они с удовольствием, но всегда к месту, употребляли это модное выражение «вращаться в обществе», в котором было так много движения, легкомыслия и пикантной ветрености.

С появлением миссис Гриффитс и ее воспитанниц в Сэндитоне у леди Денхэм наконец-то проснулся интерес к жизни. Мисс Лэмб была как раз той очень молодой особой, болезненной и богатой, которую она так долго искала для неприкаянного сэра Эдварда и таких же невоспетованных, как он, молочных ослиц.

Как это знакомство могло повлиять на судьбу сэра Эдварда пока оставалось неясным, но от услуг молочных ослиц пришлось отказаться сразу. Проницательная миссис Гриффитс не могла допустить, чтобы, не дай Бог, от их чудодейственного молока излечился хотя бы один из недугов мисс Лэмб. «Юная леди находится под бдительным и профессиональным наблюдением опытного врача, – сразу расставила все точки над «i» строгая дама, – и мы будем следовать только его рекомендациям». Правда, опекунша не уточнила, что иногда для мисс Лэмб вопреки его рецепту всё-таки покупают специальные тонизирующие пилюли у заботливой кухни миссис Гриффитс.

Другая заботливая особа Диана Паркер предоставила угловой дом Террасы своим новым друзьям. В Сэндитоне, пожалуй, трудно было найти более тихое местечко, его фасад выходил на самое оживленную аллею, где любили собираться отдыхающие, а из окон можно было круглосуточно наблюдать за центральным входом в гостиницу. Сестры Бофорт были счастливы. Прежде чем продемонстрировать окружающих свои главные достоинства, конечно же, игру на арфе и этюды, они с удовольствием демонстрировали себя в окнах особняка: задергивали и тут же раздвигали шторы, заботливо поправляли цветочные горшки и даже пытались разглядеть что-то в телескоп, чем привлекали к себе немало любопытных и весьма заинтересованных взглядов.

Две мисс Бофорт, которые ничем особенным не выделялись в Брайтоне, в маленьком Сэндитоне стали настоящей сенсацией и не могли ступить и шага, чтобы не обратить на себя внимание. Даже нерасторопный мистер Артур Паркер, который никогда не делал лишних движений, каждый раз направляясь от своего дома к дому брата, совершал приличный крюк, чтобы хоть одним глазком полюбоваться на роскошных мисс Бофорт, пыхтя проходил несколько лишних сотен метров по прямой и еще несколько шагов в гору.

Глава 11

За десять дней, проведенных в Сэндитоне, Шарлотта так ни разу не навестила леди Денхэм. Как только они с миссис Паркер в очередной раз намеривались заглянуть в одиозный особняк Сэндитон-Хауз, то непременно встречали его важную хозяйку на бульваре, и визит приходилось отменять. Но сегодня дамы встали пораньше, чтобы застать леди Денхэм дома и, наконец, показать Шарлотте местный архитектурный шедевр. Мистер Паркер в это утро не захотел составить им компанию, но чтобы визит не прошел даром, решил дать жене несколько поручений:

– Дорогая, если представится случай, намекни леди Денхэм насчет Маленов, ты же знаешь, в каком затруднительном материальном положении они оказались. Думаю, ее даже не придется просить, она, как умная женщина, сама догадается предложить им помощь. Ее пожертвования могли бы стать началом массовой кампании помощи Маленам. Я не сторонник подобных благотворительных акций в Сэндитоне, так как они могут стать чем-то вроде дополнительного налога с каждого прибывающего. Но Малены – исключительный случай. Накануне я почти пообещал этой бедной женщине сделать хоть что-то для них. Поэтому, полагаю, мы должны начать сбор средств для Маленов как можно раньше. Леди Денхэм могла бы стать первой в списке благотворителей. Тебя не затруднит поговорить с ней на эту тему, моя дорогая Мэри?

– Я сделаю все, как ты скажешь, Том, – покорно отвечала его жена, – но думаю, тебе самому это удалось бы значительно лучше. Я порой не знаю, что и сказать в ответ леди Денхэм.

– Моя дорогая Мэри, – воскликнул он. – Не поверю, что ты можешь растеряться перед леди Денхэм? Что может быть проще, чем рассказать ей в двух словах о бедственном положении этой семьи, о том, что они обратились за помощью ко мне и что я хочу организовать сбор средств для них, но только при одном условии, если леди Денхэм полностью поддержит мою благотворительную инициативу.

– Действительно, нет ничего проще! – с порога заявила мисс Диана Паркер, которая в этот момент вошла в дом. – Все можно объяснить еще проще. Если речь идет о пожертвованиях, то расскажи ей вот какую историю. В Ворчестершире есть одна бедная женщина, некоторые из моих друзей также взялись собрать для нее средства, и я, конечно, тоже обещала внести посильный вклад. Дорогая Мэри, если бы ты поведала об этой несчастной, то леди Денхэм уж точно бы раскошелилась. Где пять гиней, там и десять. Главное, найти к леди правильный подход, и она уж точно не поскупится. Тут намечается еще одно мероприятие для меценатов – основание приюта в Бертоне на Тренте. И, кроме того, вот только что вспомнила, неплохо было бы помочь еще одному несчастному, правда, его уже повесили после выездного суда в Йорке, но у него осталась семья, мы уже собрали кое-какие деньги, но еще несколько гиней от леди Денхэм не помешают.

– Дорогая Диана, – не удержалась миссис Паркер, – прости, но я не буду обсуждать с леди Денхэм такие вещи. Просто не могу, как, например, не могу сейчас взять и взлететь.

– Ну и что же в этом трудного? – искренне удивилась Диана. – Я с удовольствием сейчас пошла бы к ней с тобой и всё рассказала сама, но у меня совершенно нет на это времени. Уже через пять минут я должна быть у миссис Гриффитс, чтобы поддержать мисс Лэмб, она сегодня первый раз попытается искупаться в море. Бедняжка так напугана, и я пообещала прийти, вдохновить ее и даже войти с ней в раздевалку, если потребуется. А после купания мисс Лэмб мне надо торопиться домой, в час дня у Сьюзен – пивяки, процедура займет не меньше трех часов. Поэтому я не могу больше тратить ни минуты. Между нами говоря, мне самой не помешало бы сейчас постельный режим, я еле стою на ногах. И когда с пивяками будет покончено, мы со Сьюзен, наверное, до конца дня сделаем небольшой перерыв в наших делах и, наконец, отдохнем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.